
СВЕТЛАНА
ГОЛОВИНА
ЛЮТЫЙ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Светлана Головина
Лютый

https://litres.ru/74728228
SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык жить по своим законам. Не просить пощады. Не прощать предательства. И платить за каждое принятое решение.

Мирон Лютый прошёл путь от власти на криминальных улицах до тюремных камер, где человеческую волю ломают годами. Тринадцать лет заключения, жестокость, одиночество и испытания, после которых другие перестают быть собой. Но Лютый вышел на свободу, сохранив свой характер.

Однажды при загадочных обстоятельствах умирает человек, чьё предательство когда-то изменило судьбу Мирона.

Случайная смерть? Давний расчёт? Или расплата, пришедшая из мира, в существование которого большинство людей не верит?

Там, где заканчивается власть живых, начинаются законы Нави.

«ЛЮТЫЙ» — мистико-криминальный роман о силе и жестокости, верности и предательстве, цене свободы и тьме, которая однажды отвечает человеку на его зов.

Светлана Головина
Лютый

ЛЮТЫЙ

От автора

Роман «ЛЮТЫЙ» является художественным произведением.

Образы персонажей, их характеры, судьбы, диалоги и обстоятельства событий созданы или переосмыслены в соответствии с авторским замыслом.

Произведение не является документальным изложением событий или биографией конкретных лиц. Любое сходство с реальными людьми и обстоятельствами не следует воспринимать как утверждение о достоверности описанного.

Глава 1. Долг

Артур Кравцов не верил в проклятия.

По крайней мере, старался не верить.

В его жизни было достаточно денег, чтобы не думать о всякой чертовщине. Дорогой дом за городом, несколько машин, связи, благодаря которым многие вопросы решались одним телефонным звонком. Женщины появлялись и исчезали, приятели менялись, деньги приходили и уходили, но Артур всегда умел устраиваться.

Только последние месяцы что-то пошло не так.

Сначала неприятности в делах. Потом странные звонки.

Несколько раз ему казалось, что за ним следят. А неделю назад кто-то прислал фотографию, которую он не видел шестнадцать лет.

Семеро молодых парней возле чёрной машины.

Артур стоял крайним справа. Улыбался, положив руку на плечо Мирона Лютого.

На обороте фотографии было написано всего три слова:

«Ты всех помнишь ? »

Артур помнил.

Именно в этом заключалась проблема.

— Ты меня вообще слушаешь?

Женщина напротив раздражённо отложила вилку.

Её звали Карина. Двадцать восемь лет, длинные ноги, красивые губы и совершенно невыносимая привычка задавать вопросы, на которые Артур не собирался отвечать.

— Слушаю, — соврал он.

— Тогда что я сказала?

— Что тебе надоело сидеть дома.

— Я сказала, что ты уже третью неделю ведёшь себя как псих!

— Карин, не начинай.

— Да пошёл ты.

Она поднялась из-за стола.

Артур даже не попытался её остановить.

— Такси вызвать?

— Подавись своим такси!

— Ну как знаешь.

Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Артур налил себе виски.

Когда-то он действительно пытался начать другую жизнь. Женился, купил квартиру, строил планы. Ему казалось, что семья поможет забыть следственные кабинеты, чужие взгляды и тот день, когда он поставил подпись под показаниями.

Жена заболела ещё во время беременности. Дочь родилась живой, а её мать вскоре умерла.

Тогда Артур впервые всерьёз задумался, не придётся ли ему когда-нибудь отвечать за то, что он сделал.

Потом страх притупился.

Появились другие женщины, другие заботы, другие удовольствия. Жизнь снова стала удобной. Он научился не вспоминать прошлое без необходимости.

Только иногда, обычно среди ночи, перед глазами вставала одна и та же картина.

Мирон сидит напротив следователя. Руки в наручниках. На скуле свежий синяк.

Следователь что-то говорит.

А Лютый смотрит на Артура.

Не угрожает. Не матерится.

Просто смотрит.

И от этого взгляда хочется провалиться сквозь пол.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось: **Гена**.

Начальник охраны работал у Кравцова почти восемь лет и прекрасно знал, что поздно вечером звонить хозяину можно только по делу.

— Ну?

— Артур Викторович, возле ворот машина стояла. Подозрительная.

Артур поставил стакан.

— Какая машина?

— Тёмная «Тойота». Номера грязью залеплены. Наш парень вышел посмотреть, она сразу уехала.

— И что?

— Вчера похожую возле офиса видели.

— Номер записали?

— Не успели разглядеть.

— Гена, ты за что деньги получаешь? Чтобы мне потом рассказывали, чего не разглядели?

— Проверим записи с камер.

— Проверь. И узнай, кто это.

Он сбросил звонок.

Несколько секунд смотрел на телефон, потом открыл переписку с неизвестным номером.

Последнее сообщение пришло днём:

«За всё приходится платить» .

Артур усмехнулся.

— Да сколько можно…

Шестнадцать лет прошло.

Мирон отсидел тринадцать лет и освободился почти три года назад. Артур специально избегал мест, где мог с ним столкнуться. Почти три года ему это удавалось. Но недавно, в ресторане, они всё-таки встретились.

Лютый подошёл сам. Не угрожал, не повышал голоса. Сел напротив, посмотрел на Артура так, словно перед ним лежала вещь, которую давно пора выбросить, и на прощание сказал: «Живи, Артур».

С тех пор Кравцов не мог отделаться от этих слов. Он не хотел снова видеть Лютого. Не хотел слышать его голос. А главное — не понимал, что страшнее: месть Мирона или его полное равнодушие.

На втором этаже скрипнула дверь.

— Пап?

Артур поднял голову.

На лестнице стояла Соня. Пятнадцать лет, тёмные волосы, сонное лицо. В руках телефон.

— Ты чего не спишь?

— А ты чего орёшь?

— Рабочие вопросы.

— Опять?

— Сонь, иди спать.

Она спустилась на несколько ступенек.

— Карина уехала?

— Уехала.

— Надолго?

— Надеюсь.

Соня усмехнулась.

— А мне она не нравилась.

— Тебе вообще никто не нравится.

— Неправда. Предыдущая была нормальная.

— Какая именно?

— Вот именно, пап.

Артур невольно рассмеялся.

Дочь последние годы жила с ним. До этого большую часть времени проводила у бабушки с дедушкой. Он привык к ней не сразу, а она, кажется, до сих пор не привыкла к его образу жизни.

— Деньги нужны? — спросил он.

— Нет.

— Тогда чего стоишь?

Соня помолчала.

— Ты сегодня какой-то странный.

— Нормальный я.

— Ладно. Спокойной ночи.

— Давай.

Она ушла.

Артур посмотрел ей вслед.

Он не считал себя плохим отцом. Просто никогда толком не понимал, что с детьми делать, кроме как покупать им всё необходимое.

С женщинами было проще.

С ними хотя бы можно было расстаться.

В 00:17 позвонил незнакомый номер.

Артур ответил почти сразу.

— Слушаю.

— Кравцов?

Голос был мужской, хрипловатый, спокойный.

— Кто это?

— Не узнаёшь?

— Если бы узнавал, не спрашивал бы.

Мужчина тихо рассмеялся.

— Ты всё такой же, Артурка. Деньги есть, а мозгов не прибавилось.

Кравцов выпрямился.

— Ты кто, блядь?

— А ты вспомни, кому жизнь испортил.

— Конкретнее.

— Хорошо. Следственный кабинет. День, когда ты давал показания. Тебе предлагают бумагу. Ты спрашиваешь, отпустят ли тебя домой.

Артур похолодел.

— Откуда ты это знаешь?

— Помнишь, что ты тогда сказал?

— Слушай, если тебе нужны деньги…

— Да пошёл ты со своими деньгами.

Связь оборвалась.

Артур немедленно перезвонил.

Абонент был недоступен.

Он набрал номер ещё раз, затем третий.

Бесполезно.

Самым страшным было даже не то, что незнакомец знал подробности старого дела.

Он знал разговор, который Артур считал оставшимся между ним и следователем.

Артур подошёл к бару, налил ещё виски.

В тот год всё рухнуло за несколько дней.

До задержания они чувствовали себя хозяевами города. У каждого были деньги, машины, свои люди. Предприниматели платили, конкуренты старались не лезть, а если кто-то начинал слишком много о себе думать, с ним разговаривали.

Иногда словами.

Чаще — иначе.

Мирон был самым молодым среди тех, кто принимал серьёзные решения. И самым неудобным.

Его нельзя было купить дешёвыми обещаниями. Нельзя было напугать чужой фамилией. Он мог выслушать человека спокойно, даже вежливо, а потом произнести несколько слов, после которых тот начинал понимать, насколько неправильно оценил положение.

Артур держался рядом с ним.

Пока это было выгодно.

А потом пришли оперативники.

И оказалось, что дружба, братство и красивые слова о вер-

ности стоят совсем немного, когда перед тобой кладут папку с уголовным делом.

Артур выбрал свободу.

Мирон получил тринадцать лет.

Остальные — каждый своё.

Кто-то потом умер. Кто-то спился. Кто-то сумел устроиться. Некоторые из тех, кто когда-то ездил с ними по ночным улицам, теперь носили дорогие костюмы и делали вид, что никогда не слышали фамилии Лютого.

Артур прекрасно понимал этих людей.

Сам был таким.

В половине второго он снова позвонил Гене.

— Где твои люди?

— Двое на территории, один у ворот.

— Пусть никто не уезжает.

— Что случилось?

— Мне звонили.

— Кто?

— Не твоё дело.

— Артур Викторович, если вам угрожают, мне надо знать.

— Тебе надо делать то, за что я плачу.

Он бросил телефон на диван.

За окном моросил дождь.

Садовые фонари освещали мокрую дорожку, беседку и высокий забор. Дальше начинался лес.

Артур подошёл к стеклянной двери, ведущей на террасу.

На улице никого не было.

Он уже собирался отвернуться, когда заметил движение за оградой.

Между деревьями кто-то стоял.

Высокая неподвижная фигура.

Артур прищурился.

— Эй!

Фигура не шевельнулась.

Он включил наружное освещение на полную мощность.

Между соснами было пусто.

— Допился, что ли…

Он отошёл от двери.

И тут услышал стук.

Три негромких удара по стеклу.

Артур резко обернулся.

Никого.

Только дождевые капли медленно ползли по стеклу.

Он достал телефон.

— Гена, быстро ко мне!

— Что случилось?

— Кто-то у террасы!

— Сейчас посмотрим.

Артур ждал, прижав телефон к уху.

Через минуту в саду появились двое охранников с фонарями.

Они обошли дом, проверили беседку, прошли вдоль за-

бора.

Никого.

— Артур Викторович, всё чисто, — сообщил Гена.

— А за забором?

— Тоже посмотрели.

— Значит, плохо смотрели.

— Камеры работают. На участок никто не заходил.

Артур медленно повернулся к стеклянной двери.

И увидел отпечаток ладони.

Небольшой. С тонкими длинными пальцами.

Женской.

Он находился на внутренней стороне стекла, примерно на уровне его лица.

Артур не сразу понял, что именно его испугало.

В доме бывали женщины. Карина только что уехала. Отпечаток мог остаться и вчера, и неделю назад.

Но ещё несколько минут назад стекло было чистым.

Он стоял перед ним. Смотрел в сад.

И никакой ладони не видел.

— Гена…

— Да, Артур Викторович?

— Поднимись ко мне.

— Иду.

Артур отступил от двери.

В кабинете стало неожиданно холодно.

Он посмотрел на кондиционер. Тот был выключен.

Где-то за спиной тихо скрипнула половица.

— Кто здесь?

Ответа не было.

Артур обернулся.

У письменного стола стояла женщина.

Он не услышал, как она вошла.

Не увидел, откуда появилась.

На ней было тёмное платье. Волосы спадали на плечи. Лица Артур не различал: свет из окна оставлял его в тени.

— Вы кто? — выдавил он.

Женщина молчала.

Артур попятился.

— Как вы сюда попали?

Она сделала шаг.

И тогда он увидел её глаза.

За много лет Артур привык оценивать людей по тому, насколько они опасны. Умел замечать угрозу в улыбке, в движении руки, в слишком спокойном голосе.

Но сейчас он не мог понять, чего боится больше: женщины перед собой или того, что угадывалось за её спиной.

Там, где должна была быть стена, словно сгустилась темнота.

Артур зажмурился.

Когда открыл глаза, женщина стояла совсем близко.

— Нет, — прошептал он. — Подождите…

Она ничего не ответила.

Но Артур вдруг услышал слова.

Не ушами.

Будто кто-то произнёс их прямо у него в голове.

«Ты ведь думал , что всё закончилось ? »

Он попытался закричать.

Первый звук вышел хриплым и жалким.

Во второй раз он закричал так, что охранники внизу бросились к лестнице.

Следователь Сергей Белов приехал в загородный дом Кравцова в 6:43.

Он не любил богатых покойников.

Вокруг них всегда было слишком много охраны, адвокатов, знакомых с высокими должностями и людей, которые заранее знали, что именно следствие должно установить.

У входа его встретил оперативник Андрей Сафонов.

— Кто обнаружил? — спросил Белов.

— Охрана. Услышали крик, поднялись наверх. Дверь кабинета оказалась заперта изнутри.

— Вскрывали?

— Да. Кравцов лежал возле стола. Без сознания. Скорая приехала быстро, но спасти не смогли.

— Кто ещё был в доме?

— Дочь. Пятнадцать лет. Спала наверху. Её уже забрали родственники.

Белов остановился.

— Девочка видела тело?

— Нет. Охранник успел её увести.

— Хорошо. Пока не трогайте её без необходимости.

Они вошли в кабинет.

Артур Кравцов лежал на боку. На лице застыло выражение такого ужаса, что Белов невольно задержал взгляд.

Он видел людей, умерших при самых разных обстоятельствах. Но этот словно до последнего мгновения пытался от чего-то отодвинуться.

— Следы борьбы?

— Явных нет.

— Повреждения?

— На первый взгляд ничего существенного. Эксперт осматривает.

— Причина смерти?

— После вскрытия скажут. Медики предварительно допускают острую сердечную недостаточность.

Белов присел возле тела.

— Сердце у него больное было?

— Выясняем.

Следователь осмотрел комнату.

Дорогая мебель, большой письменный стол, почти полный стакан виски. На полу валялся телефон.

— Камеры?

— Снаружи работают. Посторонних на участке пока не обнаружили. Охрана утверждает, что всё проверила.

— Дверь кабинета?

— Когда охранники прибежали, была заперта на внутренний замок.

— Окна?

— Закрыты. Выход на террасу тоже.

Белов выпрямился.

— Значит, либо человек умер без посторонней помощи, либо мы пока не понимаем, что произошло.

— Есть ещё кое-что, — сказал Сафонов.

— Что?

— Перед смертью ему звонили с неизвестного номера. Кравцов потом несколько раз пытался перезвонить.

— Запросите детализацию.

— Уже занимаемся.

Белов подошёл к стеклянной двери.

На ней виднелись дождевые разводы и отметки криминалистов.

— Это что?

— Отпечаток ладони. На внутренней стороне стекла.

— Чей?

— Пока неизвестно.

— Кравцова?

— На его не похож. И по размеру небольшой. Возможно, женский.

Белов посмотрел на террасу.

— Женщины здесь бывали?

— Одна уехала вечером. С ней ещё будем разговаривать.

— Вот и поговорите. И с прислугой тоже. Не хочу потом узнать, что мы неделю гонялись за отпечатком уборщицы.

Он снова посмотрел на тело.

Странным было не наличие ладони на стекле. В доме, где постоянно жили и бывали люди, чужие отпечатки ничего не доказывали.

Странным было другое.

Охранники утверждали, что хозяин незадолго до смерти позвонил им в панике. Говорил, что у террасы кто-то есть. Они проверили участок, никого не нашли. А потом услышали его крик.

Кравцов чего-то испугался.

Настолько сильно, что умер.

Или ему помогли умереть.

Через час Белов сидел в гостиной и просматривал предварительные сведения о покойном.

— Кравцов, Артур Викторович. Предприниматель. Ранее не судим. Проходил свидетелем по делу организованной преступной группы…

Он остановился.

— Так. А вот это уже занятно.

Сафонов подошёл ближе.

— Что там?

— Старое дело шестнадцатилетней давности. Вымогательства, разбои, организованная группа. Основной фигурант — Мирон Лютый.

— Знаю такого.

— Лично?

— Нет. По материалам. Говорят, характер у мужика тяжёлый.

— Сколько получил?

— Тринадцать.

— Когда вышел?

— Почти три года назад.

Белов пролистал распечатку.

— Кравцов против него выступал?

— Судя по всему, да. И довольно подробно.

— А сам почему не сел?

— По этому делу проходил свидетелем. Надо поднимать старые материалы, смотреть, как всё оформляли.

Следователь закрыл папку.

— Поднимайте. И выясните, где сейчас Лютый.

— Думаете, месть?

— Я пока думаю, что у покойного было достаточно денег, чтобы нажить врагов, и достаточно прошлого, чтобы их не забыть.

— С Лютым разговаривать?

— Обязательно. Но сначала установите, где он был ночью. И не надо заранее делать из него убийцу только потому, что фамилия подходящая.

Белов ещё раз посмотрел на фотографию Артура Кравцова.

— А заодно выясните, чего он так боялся в последние дни.

Мирон проснулся без будильника.

Привычка, оставшаяся после тринадцати лет заключения.

На кухне было тихо. За окном серело осеннее утро.

Он поставил чайник, достал сигареты, затем передумал и бросил пачку обратно на стол.

Рядом лежала раскрытая книга по психологии. На полях нескольких страниц были сделаны пометки карандашом.

Телефон завибрировал.

Мирон посмотрел на экран.

Старый знакомый.

— Слушаю.

— Лютый, ты слышал?

— Что именно?

— Кравцов умер.

Мирон молчал.

— Мирон, ты там?

— Слышу.

— Сегодня ночью. У себя дома. Говорят, полиция уже работает.

— И что?

— Да ничего. Подумал, тебе интересно будет.

Мирон налил кипяток в кружку.

— А тебе кто с утра такие новости передаёт?

— Да весь город уже гудит.

— Пусть гудит.

— Ты с ним давно виделся?

— Недавно. Случайно в ресторане столкнулись.

— И что было?

— Поговорили.

— Думаешь, убили?

— А я откуда знаю?

— Ну мало ли…

Мирон отодвинул кружку.

— Слушай, дорогой. Ты мне с утра голову не бинтуй. Есть что сказать — говори прямо.

— Да я просто спросил.

— Вот и я тебе ответил.

Он отключил телефон.

Сел за стол.

Некоторое время смотрел в окно.

Артур Кравцов.

Шестнадцать лет.

За это время Мирон успел прожить несколько жизней. Пережить то, о чём многие предпочитали даже не слушать. Увидеть людей, которые ломались за неделю, и тех, кого не могли сломать годами.

А Артур всё это время жил на свободе.

Ел, пил, развлекался, зарабатывал деньги.

И, наверное, думал, что оказался умнее всех.

Мирон взял кружку.

— Ну что, Артурка, — тихо произнёс он. — Доигрался?

Он не испытывал радости.

Но и жалости не было.

Когда-то Артур был ему близким человеком. Они ели за одним столом, делили деньги, прикрывали друг друга.

И доверяли.

Этого оказалось достаточно.

Он отпил чай.

В памяти неожиданно всплыл другой день.

Железная дверь.

Скрежет засова.

Запах сырости и хлорки.

И голос за спиной:

— Лютый, на выход!

Мирон закрыл глаза.

Тогда ему был двадцать один год.

И он ещё не знал, сколько людей попытаются его сломать.

И сколько из них не доживут до того дня, когда он выйдет на свободу.

Глава 2. СВОИ

В семь лет Мирон впервые узнал, что человек может умереть, даже если очень сильно хочет жить.

Сам он тогда тоже едва не умер.

Позднее ему рассказывали, что болезнь началась с обыкновенной температуры. Сначала решили, что простуда. Потом он перестал вставать с постели, перестал узнавать лица,

а однажды утром уже не смог ответить, когда его позвали по имени.

В больницу областного города его привезли почти без сознания.

Шесть суток он пролежал в коме.

Из этих шести суток Мирон не помнил ничего. Ни врачей, ни белых стен, ни трубок, ни голосов. Только странное ощущение, которое осталось с ним на всю жизнь: будто он долго стоял в каком-то холодном месте, где не было ни света, ни темноты, а где-то очень далеко его звали.

Голос был знакомым.

Он не мог вспомнить, чей.

Бабушка сидела возле реанимационного отделения каждый день.

Она приезжала рано утром, когда в больничных коридорах ещё пахло ночной уборкой, и уходила только после того, как медсёстры начинали сердиться. Иногда ей разрешали взглянуть на внука через стекло. Иногда не разрешали вовсе.

Она была маленькой, сухонькой женщиной с натруженными руками. В сумке носила чистый носовой платок, очки, таблетки от сердца и завёрнутый в бумагу бутерброд, который почти никогда не съедала.

Каждое утро она задавала один и тот же вопрос:

— Ну что, сынок? Как он?

Врачи отвечали осторожно.

— Состояние тяжёлое.

— А лучше ему?

— Пока без изменений.

Она кивала, благодарила и снова садилась на жёсткую скамейку.

В первый день плакала.

На второй уже не могла.

На третий стала разговаривать с внуком мысленно. Рассказывала, что дома ждёт его любимая кружка, что на улице выпал снег, что соседский пёс опять сорвался с цепи. Просила не бояться.

На пятый день врач сказал ей:

— Вы должны понимать, что мы делаем всё возможное.

Она посмотрела на него так, словно он произнёс что-то неприличное.

— А я разве сказала, что вы не делаете?

И снова села ждать.

На шестые сутки умер отец Мирона.

Родители мальчика к тому времени уже были разведены. Отец жил отдельно, но Мирон любил его той безоговорочной детской любовью, которая не требует объяснений и не интересуется взрослыми причинами расставаний.

Отец был шумным, любил смеяться, крепко обнимал сына и слушал песни, в которых хриплые мужские голоса пели о тюрьмах, друзьях, разлуке и дорогах, ведущих неизвестно куда.

Мирон не понимал половины слов, зато запоминал мело-

дии.

Когда отец включал магнитофон, мальчик устраивался рядом и слушал, как взрослый мужчина негромко подпевает.

Теперь отца не стало.

Бабушка узнала об этом в больнице.

Она долго стояла у окна, прижав ладонь к груди, а потом вернулась на свою скамейку. Ей нужно было пережить смерть бывшего зятя и не потерять при этом внука.

В тот же день Мирон открыл глаза.

Первое, что он увидел, было белое пятно потолка. Потом — лицо женщины в медицинской шапочке.

Он хотел спросить, где находится, но язык не слушался.

Когда бабушку наконец пустили к нему, она подошла к кровати очень тихо. Будто боялась, что от громкого шага всё исчезнет.

— Мироша…

Он повернул голову.

Бабушка улыбнулась. Губы у неё дрожали.

— Ну здравствуй, родной мой.

Он долго смотрел на неё, собираясь с силами.

— Ба…

— Я здесь. Я здесь, мой хороший.

— А папа придёт?

Бабушка не ответила сразу.

Она взяла его маленькую руку в свои ладони и прижала к щеке.

— Ты поправляйся, Мироша, — прошептала она. — Ты только поправляйся.

Он был ещё слишком слаб, чтобы понять, почему она отвернулась.

О смерти отца ему рассказали позже.

Мирон не закричал и не заплакал. Он долго молчал, а потом попросил включить ту самую кассету, которую они слушали вместе.

Взрослые говорили, что ему невероятно повезло.

Кто-то из родственников однажды произнёс:

— Будто отец за него жизнь отдал.

Слова эти сказали почти шёпотом, без особого смысла, просто потому, что людям всегда хочется найти объяснение тому, что невозможно объяснить.

Мирон услышал.

И запомнил.

Много лет спустя он иногда просыпался среди ночи с ощущением ледяного холода на коже. Ему казалось, что кто-то стоит у изголовья, терпеливо ожидая, когда он откроет глаза.

Но стоило ему проснуться окончательно, как ощущение исчезало.

Он никому об этом не рассказывал.

В детстве Мирон не был самым крупным среди сверстников.

Зато рано понял одну вещь: драка начинается задолго до первого удара.

Она начинается с того, как человек смотрит. Как отводит глаза. Как меняется его голос, когда он чувствует чужой страх.

Мирон научился замечать это раньше, чем научился хорошо драться.

В школе его считали трудным.

Он мог спокойно просидеть целый урок, внимательно слушая учителя, а на перемене разбить однокласснику нос за слово, которое тот даже не считал обидным.

Взрослые пытались понять, откуда в нём столько злости.

Мирон и сам не знал.

Иногда она приходила внезапно, словно кто-то внутри него поворачивал невидимый ключ. В такие минуты мир становился простым: перед ним был человек, которого следовало заставить замолчать.

После драки он мог сидеть совершенно спокойно, пока остальные кричали и бегали за учителями.

Его пугало не наказание.

Его раздражало, что всё закончилось слишком быстро.

Бабушка любила его по-прежнему.

Она ругалась, когда видела разбитые костяшки пальцев, обрабатывала ссадины зелёнкой и спрашивала:

— Мироша, ну зачем ты опять?

Он пожимал плечами.

— Сам полез.

— У тебя все сами лезут.

— Значит, такие люди.

Она вздыхала.

Иногда он приносил ей продукты, чинил расшатавшуюся дверцу шкафа, без напоминаний помогал донести тяжёлые сумки. Мог часами сидеть рядом, пока она рассказывала о соседях и старых знакомых.

А потом выходил из дома и превращался в совершенно другого человека.

Бабушка знала, что внук связывается с плохой компанией.

Но не знала, насколько плохой.

Филю Мирон впервые увидел возле гаражей.

Тот стоял у старой иномарки в окружении нескольких парней и смеялся так громко, что его было слышно через весь двор.

Лет на десять старше Мирона. Широкоплечий, с тяжёлой шеей и крупными руками. На нём была кожаная куртка, расстёгнутая даже в холод.

Но больше всего запоминалась улыбка.

Когда Филя смеялся, во рту вспыхивал металл.

Передние и боковые зубы были закрыты коронками, и от этого его весёлое лицо приобретало что-то пугающее. Казалось, он улыбается не человеку, а добыче.

Филя любил женщин, выпивку, хорошие машины и драки.

Причём не всегда именно в таком порядке.

Он мог щедро угостить незнакомца, а через пять минут избить его за неудачную шутку.

В тот день у гаражей двое старших парней зажали подростка, требуя деньги.

Мирон остановился посмотреть.

— Чего уставился? — спросил один из них.

— Смотрю.

— Иди отсюда.

— Сам иди.

Парень двинулся к нему.

Мирон не стал ждать.

Ударил первым, попал не слишком удачно, получил в ответ, упал на колено, но тут же вскочил и бросился снова.

Его быстро скрутили.

Он вырывался, плевался кровью и пытался достать противника ногой.

Филя наблюдал за этим с явным удовольствием.

— Отпустите его, — сказал он наконец.

— Да он борзый какой-то.

— Я вижу. Отпустите.

Мирон выпрямился, тяжело дыша.

Филя подошёл ближе.

— Тебя как зовут?

— Мирон.

— А фамилия?

Мирон ответил.

Филя усмехнулся, обнажив металлические зубы.

— Лютый, значит, будешь.

— Почему?

— Потому что тебя уже отпустили, а ты всё ещё хочешь кому-нибудь голову оторвать.

Мирон промолчал.

— Драться умеешь?

— Умею.

— Ни хрена ты не умеешь. Зато не боишься. Это хуже.

Филя хлопнул его по плечу.

— Пошли, покормлю. А то сейчас опять на кого-нибудь кинешься.

С этого знакомства началась жизнь, в которой у Мирона постепенно появилось всё, о чём мечтали многие парни с окраин: деньги, дорогие вещи, уважение, страх окружающих и люди, готовые прийти по первому звонку.

А ещё — враги.

Их становилось всё больше.

В их компании не любили наркотики.

Филя мог пить до утра, Мирон тоже не отказывал себе в выпивке, но за торговлю дурью среди своих наказывали быстро и жестоко.

Спорт был обязательным.

По утрам парни ходили в зал, тягали железо, били мешки, боролись. Вечерами собирались в «Причале» — баре на окраине города, где хозяин давно понял, что лучше не задавать лишних вопросов.

Там решались дела.

Там делили деньги.

Там мирились, ссорились, договаривались о встречах и выясняли, кто кому должен.

Обычные посетители старались не задерживаться, когда за дальним столом появлялся Филя.

Сначала Мирон больше слушал.

Его удивляло, сколько люди рассказывают о себе, если дать им почувствовать, что их внимательно слушают.

Один хвастался деньгами и выдавал, где их хранит.

Другой жаловался на приятеля и случайно раскрывал чужие договорённости.

Третий начинал врать, едва слышал неприятный вопрос.

Мирон редко перебивал.

Он запоминал.

Филя однажды заметил:

— Ты чего всё молчишь? Язык проглотил?

— Думаю.

— О чём?

— О том, что половина людей за этим столом говорит больше, чем надо.

Филя захохотал.

— Слышали? Он нас дураками назвал!

Но вечером, когда остальные разошлись, сказал уже без смеха:

— Правильно делаешь. Кто много треплется, тот долго не живёт.

Мирон усвоил это правило.

Хотя сам Филя нарушал его постоянно.

Сначала они собирали деньги с небольших торговых точек.

Потом появились склады, рынки, перевозчики, хозяева кафе.

Кто-то платил за обещанную защиту. Кто-то — за то, чтобы его оставили в покое.

Разница существовала только в разговорах.

На деле деньги отдавали потому, что боялись.

Мирон быстро перестал воспринимать это как что-то необычное. Для него город постепенно разделился на тех, кто забирает, и тех, у кого забирают.

Он не жалел последних.

Однажды хозяин нескольких торговых павильонов по фамилии Костин решил, что платить больше не будет.

До Мирона дошли слухи, что Костин договорился с другой компанией.

Его вызвали в «Причал».

Тот пришёл вечером, в дорогой куртке, с уверенным лицом человека, который заранее подготовил все ответы.

— Мужики, давайте спокойно поговорим.

Филя развалился на диване.

— А мы что, кричим?

— Ситуация изменилась. Я теперь с другими работаю.

Мирон сидел напротив, вертя в пальцах зажигалку.

— С какими другими?

— Это неважно.

— Для тебя, может, и неважно.

Костин вздохнул.

— Мирон, ты молодой ещё. Не надо всё воспринимать так лично. Это бизнес.

За столом стало тихо.

Филя перестал улыбаться.

Мирон положил зажигалку.

— Повтори.

— Что?

— Про молодой.

Костин попытался усмехнуться.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Так ты обидел или не обидел?

— Слушай, давай без этого…

Мирон поднялся.

Удар был коротким, неожиданным, снизу в челюсть.

Костин отлетел к соседнему столу, опрокинул стул и рухнул на пол. По плитке покатились два выбитых зуба.

Несколько секунд он даже не понимал, что произошло.

Потом застонал, прикрывая окровавленный рот.

Мирон подошёл и ударил его ногой.

Ещё раз.

И ещё.

Костин свернулся, пытаясь защитить голову руками.

— Мирон! — рявкнул Филя.

Тот не остановился.

Филя вскочил, схватил его за плечо и с силой оттащил.

— Хватит, я сказал!

Мирон вырвался.

— Пусти.

— Ты его сейчас здесь убьёшь, идиот!

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Мирон тяжело дышал. На его ботинке темнела кровь.

Потом он отступил.

— Заберите его.

Костина подняли двое парней. Он едва держался на ногах.

— И передайте, — добавил Мирон, — что разговор мы не закончили.

Когда его увели, Филя налил водки.

— Ну ты и псих.

Мирон сел.

— Он всё понял.

— Он теперь месяца два жевать не сможет.

— Значит, будет время подумать.

Филя посмотрел на него поверх стакана.

— Ты когда-нибудь остановишься слишком поздно.

— Сегодня же остановился.

— Потому что я тебя оттащил.

Мирон ничего не ответил.

Он не испытывал раскаяния.

Но слова Фили запомнил.

Вскоре деньги стали приходить уже не только через Филю.

Некоторые торговцы просили встречи именно с Мироном.

Это раздражало старших.

Особенно Корня — крепкого, угрюмого мужчину с тяжёлым взглядом, который привык считать себя одним из главных в городе.

— Слишком быстро парень растёт, — заметил он однажды Филе.

— Завидуешь?

— Предупреждаю.

— Он свой.

— Сегодня свой. А завтра?

Филя улыбнулся металлическими зубами.

— Завтра посмотрим.

Мирон об этом разговоре узнал почти сразу.

Ему передавали многое.

Не потому, что все его любили.

Потому, что боялись оказаться последними, кто сообщил ему плохую новость.

Один из торгашей тем временем попытался платить сразу двум компаниям, надеясь, что так его никто не тронет.

Мирон приехал на склад вместе с тремя парнями.

Хозяин встретил их у ворот.

— Мирон, давай договоримся. Я всем готов платить, толь-

ко не трогайте товар.

— Всем? — переспросил Мирон.

— Ну ты же понимаешь, какая ситуация.

— Понимаю.

Он прошёл между рядами коробок.

Остановился возле аккуратно сложенной партии техники.

— Хороший товар?

— Отличный. Новый весь.

— Дорогой?

Хозяин промолчал.

Мирон повернулся к своим:

— Разгружайте.

— Куда? — испуганно спросил торгаш.

— На пол.

Через минуту коробки полетели с поддонов.

Разбивался пластик, звенело стекло. Один из парней с размаху бросил телевизор на бетон.

Хозяин метался между ними.

— Да вы что творите?! Я же заплачу!

Мирон спокойно наблюдал.

— Ты уже заплатил. Другим.

— Я вам тоже дам!

— А мне зачем твои деньги, если ты завтра опять побежишь к ним?

Он дождался, пока на полу не осталось ни одной целой коробки, и направился к выходу.

Хозяин стоял посреди разгромленного склада, бессильно опустив руки.

— Ты меня разорил, — сказал он.

Мирон остановился.

— Нет. Я показал тебе, как это выглядит. Разорить тебя можно гораздо сильнее.

Он вышел, даже не обернувшись.

В машине Филя расхохотался.

— Ну ты артист! Я думал, ты его самого сейчас по коробкам разложишь.

— Зачем? Он живой больше расскажет.

— Чего расскажет?

— Кому платить надо.

Филя посмотрел на него с уважением.

— Башка у тебя работает, Лютый.

Мирон отвернулся к окну.

Ему нравилось слышать это от Фили.

Хотя он никогда бы в этом не признался.

Со временем Мирон стал замечать, что предательство редко начинается с больших денег.

Чаще — с мелочи.

Рыжий, один из молодых парней, собирал платежи с нескольких торговых точек. Парень был шустрый, разговорчивый, постоянно жаловался, что ему не хватает денег.

Однажды Мирону сообщили, что Рыжий оставляет себе часть сборов.

Сначала он не поверил.

Потом проверил.

Сумма оказалась небольшой.

Именно это разозлило его сильнее всего.

Рыжего привезли в гараж поздно вечером.

Тот сразу понял, что дело плохо.

— Мирон, я всё объясню.

— Объясняй.

— Там путаница вышла. Я собирался вернуть.

— Когда?

— На неделе.

— Какой?

Рыжий замялся.

Мирон медленно снял куртку и повесил на спинку стула.

— Ты у чужих воровать не умеешь, решил у своих попробовать?

— Да я не воровал!

Первый удар пришёлся в живот.

Рыжий согнулся.

Второй — в лицо.

Он упал на колени.

Мирон схватил его за волосы и заставил поднять голову.

— Смотри на меня.

Рыжий всхлипывал.

— Прости, Мирон. Я отдам.

— Ты думаешь, дело в деньгах?

— Нет…

— А в чём?

Тот не ответил.

Мирон ударил снова.

Когда всё закончилось, Рыжий лежал на бетонном полу, закрывая лицо руками.

Филя, присутствовавший при разговоре, бросил ему полотенце.

— Вставай. Живой ведь.

Рыжий попытался подняться.

Мирон присел перед ним.

— Ещё раз возьмёшь у своих — разговаривать будем иначе.

Рыжий закивал.

— Понял.

— Громче.

— Понял!

— Иди.

После его ухода Филя долго молчал.

Потом спросил:

— Не переборщил?

— Нет.

— Он теперь тебя до смерти бояться будет.

— Пусть.

— А если возненавидит?

Мирон посмотрел на него.

— Он уже ненавидит.

Филя усмехнулся.

— И тебя это не волнует?

— Меня волнует, что он сделает дальше.

Филя допил водку.

— Иногда мне кажется, ты людей насквозь видишь.

— Нет, — ответил Мирон. — Просто они одинаковые.

Но это было неправдой.

Люди не были одинаковыми.

И Мирон знал это лучше многих.

Он различал их слабости почти безошибочно, однако собственную слабость признавать не желал.

С Артуром Кравцовым всё было иначе.

Артур умел нравиться людям.

Он хорошо одевался, легко заводил знакомства, знал, кому улыбнуться, кому пожать руку, а кому налить ещё одну рюмку.

Ему нравились деньги, красивые женщины и ощущение, что он находится рядом с теми, кто решает судьбы других.

Мирон поначалу относился к нему настороженно.

Слишком гладкий.

Слишком много улыбается.

Но Артур оказался полезным.

Он знал людей на рынке, мог достать нужный номер телефона, договориться о встрече, выяснить, кто с кем поссорился.

И главное — умел слушать Мирона так, будто каждое его слово было важным.

Однажды они остались вдвоём за столом в «Причале».

Артур спросил:

— Ты Филе доверяешь?

Мирон поднял глаза.

— А ты зачем спрашиваешь?

— Просто интересно. Он же тебя поднял.

— И что?

— Ничего. Хорошо, когда есть такие друзья.

Мирон некоторое время смотрел на него.

— Артур, ты, когда хочешь что-то узнать, прямо спрашивай. Не надо вокруг ходить.

Артур рассмеялся.

— Да понял я.

— Не уверен.

— Ладно. Я просто думаю, что у тебя скоро своих людей будет больше, чем у него.

Мирон откинулся на спинку стула.

— И?

— И ничего. Ты же понимаешь, к чему всё идёт.

— К чему?

Артур замолчал.

Мирон улыбнулся одними губами.

— Вот и я не понимаю. Поэтому не выдумывай.

Разговор закончился.

Но Мирон запомнил его.

И Артура тоже.

К тому времени в городе становилось тесно.

Чужие компании заходили на рынки, переманивали торговцев, обещали защиту дешевле и требовали долю с тех, кто уже платил Филе.

Сначала всё ограничивалось разговорами.

Потом исчезли деньги с одной из точек.

Затем избили парня, который работал на их компанию.

Его нашли утром возле железнодорожных путей. Лицо было разбито, куртка разорвана, из карманов ничего не пропало.

Когда он смог говорить, то назвал людей из соседней группировки.

Филя пришёл в ярость.

— Всё. Хватит. Сегодня же поедем к ним.

Мирон сидел у окна.

— Не поедем.

Филя обернулся.

— Чего?

— Сначала разберёмся.

— Что тут разбираться? Нашего парня чуть не убили!

— Вот именно. Не убили. Оставили живым, чтобы он рассказал, кто его бил.

Филя прищурился.

— Ты на что намекаешь?

— Ни на что. Пока.

— Лютый, ты меня не беси.

— Филя, если хочешь повоевать — повоюем. Только сначала узнаем, с кем.

Филя шумно выдохнул.

— Ты иногда рассуждаешь, как старый дед.

— Зато не бегаю за каждым, кто пальцем поманит.

За столом повисла тишина.

Кто-то из парней опустил глаза.

Филя медленно поднялся.

Подошёл к Мирону вплотную.

— Ты сейчас мне это сказал?

Мирон тоже встал.

— Тебе.

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

Потом Филя неожиданно расхохотался.

Металлические зубы блеснули в свете лампы.

— Ах ты сукин сын. Совсем вырос.

Он обнял Мирона за шею и крепко притянул к себе.

— Ладно. Разбирайся. Только недолго.

Мирон кивнул.

Но внутри у него уже возникло неприятное чувство.

Слишком многое происходило одновременно.

Слишком вовремя.

Слишком удобно для тех, кто хотел столкнуть их с чужими.

В тот вечер «Причал» был полон.

За стойкой спорили двое подвыпивших мужчин. Возле музыкального автомата смеялись девушки. На кухне гремела посуда.

Филя сидел за привычным столом, рассказывая какую-то историю о поездке в соседний город.

— И представляешь, выхожу я утром, а она мне говорит…

Он не договорил, потому что заметил незнакомца.

Мужчина стоял у входа.

Невысокий, в тёмной куртке, с мокрыми от дождя волосами. Он не выглядел ни пьяным, ни испуганным.

И это уже было странно.

В «Причал» редко заходили посторонние, которые не боялись.

Незнакомец оглядел зал и направился прямо к их столу.

— Кто здесь Лютый?

Разговоры стихли.

Филя медленно поставил стакан.

— А тебе зачем?

— Передать кое-что.

Мужчина достал из внутреннего кармана плотный бумажный конверт.

Положил на стол.

— Это вам.

Филя протянул руку.

— Давай сюда.

— Не трогай, — негромко сказал Мирон.

Филя замер.

Мирон смотрел на конверт.

На нём не было ни имени, ни адреса.

Только едва заметное влажное пятно в углу.

— Кто передал? — спросил он.

— Меня попросили отдать.

— Кто?

— Я не знаю.

Мирон поднял глаза.

— Ты сейчас подумай, прежде чем ещё раз это скажешь.

Незнакомец сглотнул.

— Мне заплатили. Сказали приехать сюда и отдать лично Лютому.

— Кто заплатил?

— Не знаю я его. Правда.

Мирон медленно поднялся.

За столом никто не двигался.

Даже Филя перестал улыбаться.

— Садись, — сказал Мирон.

— Мне сказали только передать…

— Я слышал.

Мужчина посмотрел на дверь.

Мирон заметил этот взгляд.

— Садись. Поговорим.

Незнакомец осторожно опустился на край стула.

А Мирон снова посмотрел на конверт.

За последние недели кто-то слишком старательно подталкивал их к драке. Кто-то знал, где они собираются, кого слушают и на какие слова реагируют.

И теперь этот человек решил обратиться к нему лично.

Мирон ещё не знал, что лежит внутри.

Но уже понимал: **конверт принесли не для того, чтобы сообщить новость.**

Его принесли, чтобы заставить кого-то совершить ошибку.

И Мирон собирался выяснить, кого именно.

Глава 3. ЧУЖАЯ

Незнакомец, принёсший конверт, уже минут десять сидел за столом в «Причале» и, судя по всему, начинал жалеть, что вообще родился.

Филя устроился напротив него, широко расставив ноги. На столе стояла недопитая рюмка водки. Он то и дело поглядывал на неё, но пить не торопился.

Ему было интереснее другое.

— Давай ещё раз, — сказал он почти ласково. — Только теперь без этой херни про незнакомого мужика. Кто тебе конверт сунул?

— Я же сказал…

— Ты сказал, что не знаешь. Я услышал. Теперь расскажи, как дело было.

Мужчина облизнул пересохшие губы.

— На автостанции ко мне подошёл человек. Спросил, могу ли я съездить в одно место и передать письмо.

— Какое письмо?

— Вот это.

— Да ты что! — Филя удивлённо вскинул брови. — Мирон, представляешь, вот это письмо! А мы-то думаем, какое!

Артур, сидевший сбоку, прыснул в стакан.

Мирон не улыбнулся.

Он смотрел на незнакомца и терпеливо ждал.

— Продолжай.

— Он дал адрес. Сказал, чтобы передал лично Лютому.

— А откуда он знал, что ты согласишься? — спросил Мирон.

— Деньги предложил.

— Сколько?

Мужчина назвал сумму.

Филя присвистнул.

— За такую поездку? Да я бы сам тебе конверт отвёз. Ещё и поцеловал бы на прощание.

— Он сказал, что дело срочное.

— А ты, значит, решил, что повезло?

— Ну да.

— Деньги сразу дал?

— Половину.

Мирон чуть прищурился.

— А вторую?

— Сказал, потом получу.

— Где?

Мужчина замолчал.

— Вот теперь подумай, — продолжил Мирон. — Тебе заплатили половину. Значит, должны были сказать, где забрать остальное. Ты сейчас либо вспомнишь, либо мы будем сидеть до утра.

— Он сказал, что сам меня найдёт.

— По какому номеру?

— У него мой номер есть.

— А у тебя его?

— Нет.

Филя медленно улыбнулся.

Металлические коронки блеснули в свете лампы.

— Вот же красавец. Тебя, получается, нанял человек, которого ты не знаешь, отдал половину денег и пообещал сам найти. А ты ему поверил. Скажи мне, брат, ты по жизни такой счастливый или только сегодня?

Мужчина опустил голову.

Мирон протянул руку к конверту.

Он был плотный, без надписей. Клапан аккуратно заклеен. На одном углу темнело небольшое влажное пятно.

Мирон вскрыл его.

Внутри лежала фотография.

Не письмо.

Не записка.

Обычная цветная фотография, отпечатанная на глянцевой бумаге.

На снимке двое мужчин стояли возле тёмной иномарки.

Одного Мирон узнал сразу.

Клык.

Парень из их компании, который уже несколько лет ездил с Филей, собирал деньги с торговцев и участвовал в разборках.

Второй был Бес — ближайший человек Грома.

Гром держал часть городского рынка, несколько оптовых складов и перевозчиков. Последние месяцы его люди всё чаще появлялись там, где раньше безраздельно хозяйничала компания Фили.

Сначала они просто переманивали торговцев.

Потом начали требовать деньги с тех, кто уже платил Мирону.

А недавно возле железнодорожных путей нашли одного из их парней. Его так отхерачили, что он двое суток не мог толком разговаривать.

Когда пришёл в себя, назвал людей Грома.

После этого Филя только и ждал повода ехать к чужим.

Теперь повод лежал перед ним.

Мирон перевернул фотографию.

На обороте чёрным маркером было выведено:

СВОИХ СНАЧАЛА ПРОВЕРЬ.

— Ну-ка дай сюда, — потребовал Филя.

Мирон передал снимок.

Филя посмотрел.

Его улыбка исчезла.

— Вот же мразь.

Он поднёс фотографию ближе к лампе.

— Это Клык.

— Вижу.

— А рядом Бес.

— И его вижу.

— Так какого хера ты сидишь?!

Филя вскочил так резко, что стул ударился о стену.

— Я эту крысу своими руками закопаю!

— Сядь.

— Мирон, ты понимаешь, что это значит?!

— Пока это значит только то, что Клык стоит рядом с Бесом.

— А чего ему там делать?!

— Вот у него и спросим.

Филя ударил ладонью по столу.

— Да он нас с потрохами сдал! Мы тут сидим, думаем, кто наших парней ушатал, а эта падла с чужими обнимается!

— На фотографии они не обнимаются, — заметил Артур.

Филя резко повернулся.

— Ты ещё пошути мне!

Артур поднял руки.

— Всё, молчу.

Мирон снова взял фотографию.

Он не спешил.

Снимок был сделан с некоторого расстояния, вероятно, из машины. Лицо Клыка почти не видно, зато Бес получился отчётливо.

— Когда снимали? — спросил Мирон у курьера.

— Я не знаю.

— Ты фотографию видел?

— Нет.

— А тот мужик, который дал конверт, на чём приехал?

— На машине.

— Какой?

— Серой. Иномарка.

Филя закатил глаза.

— Серой иномарки нам только и не хватало. Всё, Мирон, город перекрываем. Все серые машины ко мне!

Но Мирон продолжал:

— Он один был?

— Я видел только его.

— Возраст?

— Лет сорок, наверное.

— Волосы?

— Тёмные. Короткие.

— Как разговаривал?

Мужчина задумался.

— Спокойно. Не торопился.

— Ты ему сказал, что знаешь, кто такой Лютый?

— Нет.

— А он тебя спрашивал?

— Тоже нет.

Мирон откинулся на спинку дивана.

Это ему не понравилось.

Человек, отправивший конверт, заранее знал, куда его доставят. Знал, что в «Причале» его примут. Знал, что Мирон обязательно увидит фотографию.

А главное — знал, как отреагирует Филя.

— Артур, — сказал Мирон, — отвези нашего гостя до автостанции. И номер его запиши.

Филя вскинул голову.

— Ты его отпускаешь?!

— Он нам больше ничего не расскажет.

— А если врёт?

— Тогда найдём.

Мирон посмотрел на курьера.

— И ты меня сейчас внимательно послушай. Если тот мужик позвонит за второй половиной денег, ты сначала позвонишь мне. Понял?

Мужчина закивал.

— Понял.

— Если решишь, что лучше промолчать, мы всё равно узнаем. Только разговор будет другой.

Артур поднялся.

— Пошли.

Когда они вышли, Филя схватил рюмку и выпил.

— Ты мне объясни, Лютый, чего мы ждём? Пока эта крыса ещё кого-нибудь сдаст?

Мирон положил фотографию на стол.

— Филя, ты Клыка сколько знаешь?

— Третий год.

— Он тебя продавал?

— Не замечал.

— Деньги крысил?

— Нет.

— Бегал от разборок?

— Тоже нет.

— Тогда с какого хера ты решил, что он вдруг стал предателем?

Филя оскалился.

— А с какого хера он стоит рядом с Бесом?!

— Вот это и надо выяснить.

— Да что выяснять?!

Мирон резко поднял голос:

— То, почему нам прислали фотографию, вместо того чтобы просто сообщить, что Клык с чужими встречался!

Филя замолчал.

— Подумай башкой, — продолжил Мирон уже тише. — Кто-то их снимал. Потом напечатал фотографию. Нашёл ле-

вого мужика, заплатил ему и отправил сюда. Не к тебе. Ко мне. И на обороте написал, чтобы мы своих проверили. Это не случайная встреча. Это нам специально показали.

— Ну показали. И что?

— А то, что человек хочет, чтобы мы начали жрать друг друга.

Филя несколько секунд смотрел на него.

Потом медленно сел.

— Ладно. Звони Клыку.

Клык появился через сорок минут.

Артур привёз его на своей машине.

Парень вошёл в бар уверенно, но, увидев Филю, Мирона и фотографию на столе, сразу понял, что разговор предстоит неприятный.

— Что случилось?

Филя поднялся.

— Иди сюда, сука.

Клык остановился.

— Филь, ты чего?

— Подойди, говорю!

Клык сделал несколько шагов.

Филя схватил его за ворот куртки и с размаху вмазал кулаком по морде.

Клык рухнул на соседний стол, опрокинув стаканы.

— Филя! — рявкнул Мирон.

Но тот уже шагнул следом.

— Я тебя, гниду, к себе домой пускал! Ты у меня жрал, пил, деньги получал! А ты с Бесом по углам шепчешься?!

Клык, сплёвывая кровь, попытался подняться.

— Да ты дай сказать!

Филя замахнулся снова.

Мирон перехватил его руку.

— Хватит.

— Отойди!

— Я сказал, хватит!

Они несколько секунд смотрели друг на друга.

Филя тяжело дышал.

Потом вырвал руку и отошёл к столу.

Мирон повернулся к Клыку.

— Поднимайся.

Тот выпрямился, прижимая ладонь к разбитой губе.

Мирон положил перед ним фотографию.

— Рассказывай.

Клык взглянул на снимок.

И побледнел.

— Откуда это?

— Не твоё дело. Где встречались?

— Возле старого рынка.

— Когда?

— Во вторник.

— Кто назначил встречу?

— Бес.

— Как?

— Позвонил. Сказал, есть разговор.

— И ты поехал?

— Да.

Филя коротко рассмеялся.

— Красавец. Может, ты ещё и водки с ним попил?

— Да не пил я с ним!

— А что делал?!

— Разговаривал!

Мирон поднял руку.

— Филя, дай ему договорить.

Он повернулся к Клыку.

— О чём разговор?

— Бес сказал, что наших возле путей не они отхерачили. Что кто-то специально нас с Громом стравливает.

— И ты поверил?

— Нет. Но хотел узнать, чего ему надо.

— Дальше.

Клык замялся.

— Он сказал, что скоро у нас большие проблемы начнутся. Что Филя слишком много на себя берёт и за это кто-нибудь ответит.

Филя медленно поднялся.

— Чего?!

Клык отступил.

— Я не от себя говорю! Это Бес сказал!

Мирон остановил Филю взглядом.

— А тебе что предложил?

— Ничего.

— Деньги?

— Нет.

— Работу у Грома?

— Нет!

— Тогда зачем встречался?

Клык опустил глаза.

— Хотел понять, что они задумали.

Мирон некоторое время смотрел на него.

— Ты вообще соображаешь, какую херню натворил?

— Мирон…

— Ты поехал к человеку, который работает на наших врагов. Один. Никому не сказал. А теперь мы сидим и думаем, тебя купили или ты просто такой тупой.

— Меня никто не покупал!

— Докажи.

Клык замолчал.

— Вот именно, — сказал Мирон. — Нечем.

Филя снова подошёл к столу.

— Давай я его в гараж отвезу. Он там быстро всё вспомнит.

Мирон повернулся к нему.

— Не тронешь.

— Лютый…

— Пока я не разберусь, никто его пальцем не тронет.

— Ты за него отвечаешь?

— Я отвечаю за то, чтобы мы из-за чужой бумажки своих не похоронили.

Клык поднял голову.

— Мирон, я клянусь…

— Заткнись. Твои клятвы мне сейчас нахер не нужны.

Мирон взял фотографию.

— Кто ещё знал о встрече?

— Никто.

— Совсем?

Клык помедлил.

— Я Рыжему говорил, что Бес мне звонил.

Мирон перестал вертеть снимок.

— Когда?

— Перед встречей. Мы возле гаража стояли.

— Что именно сказал?

— Что Бес хочет поговорить. Рыжий спросил, поеду ли. Я сказал, что посмотрю.

Мирон переглянулся с Филей.

Рыжий.

Тот самый, которого недавно поймали на воровстве общих денег.

Мирон избил его в гараже и оставил в компании только после унизительного предупреждения.

Теперь его имя всплыло снова.

— Рыжего сюда, — сказал Мирон Артуру.

Тот достал телефон.

— Сейчас.

— И ещё, — добавил Мирон. — Клык, ты пока отсюда никуда. Телефон на стол.

Клык подчинился.

Филя сел напротив него.

— Ну что, братец. Посидим. Вспомним, как мы с тобой дружили.

Его металлическая улыбка вернулась.

Но теперь в ней не было ничего весёлого.

Рыжего нашли не сразу.

На звонки он не отвечал.

Дома его не оказалось.

Мать сказала, что сын уехал к знакомым, но куда именно, не знает.

Филя выслушал это сообщение и зло выругался.

— Всё. Теперь понятно. Эта гнида нас сдала.

Мирон покачал головой.

— Пока понятно только то, что его нет.

— А чего тебе ещё надо? Чтобы он записку оставил: «Мужики, я крыса»?

— Мне надо знать, кто сделал фотографию.

— Да какая разница?!

— Большая.

Мирон разложил снимок на столе.

— Смотри. Клык говорит, что встреча была во вторник. Рыжий о ней знал. Но если Рыжий хотел нас подставить, зачем ждать несколько дней? Почему фотографию прислали именно сейчас?

Филя задумался.

— Может, только сейчас напечатали.

— Может. А может, ждали, пока мы из-за рынка окончательно переругаемся.

— Думаешь, Гром?

— Думаю, кому-то выгодно, чтобы мы первыми полезли в драку.

Филя почесал подбородок.

— Гром давно хочет наш рынок.

— Вот именно.

— Тогда чего мы с ним церемонимся?

Мирон усмехнулся.

— Потому что пока мы будем его людей по городу гонять, кто-нибудь спокойно заберёт наши деньги.

Филя посмотрел на него и неожиданно рассмеялся.

— Слушай, Лютый, вот за это я тебя и люблю. Я бы уже полгорода на уши поставил, а ты всё считаешь.

— Кто-то же должен.

— Да пошёл ты!

Филя хлопнул его по плечу.

Но смех быстро прошёл.

— Рыжего всё равно найдём.

— Найдём.

— И если он крыса?

Мирон посмотрел на фотографию.

— Тогда ему очень не повезло.

Нину Мирон встретил в «Причале» за несколько месяцев до истории с конвертом.

Она пришла с подругами отмечать день рождения одной из них.

Нине был двадцать один год.

Невысокая, стройная татарка с густыми чёрными волосами, тёмными глазами и тонкими, резко очерченными бровями. Она любила красивые вещи, умела одеваться и прекрасно знала, какое впечатление производит на мужчин.

Девушкой она была далеко не тихой.

Могла выпить с подружками, сорваться среди недели в ресторан, поспорить с кем угодно и не терпела, когда ей указывали, как жить.

Работала в магазине одежды, училась заочно и жила с матерью и младшей сестрой.

Мирона она заметила сразу.

Точнее, сначала заметила компанию за дальним столом.

Филя громко смеялся, обнажая металлические коронки. Артур что-то рассказывал, размахивая руками. Остальные слушали, время от времени поглядывая по сторонам.

Мирон сидел чуть в стороне.

Не самый старший.

Не самый крупный.

Но именно к нему постоянно обращались с вопросами.

Нина спросила у подруги:

— А это кто такой?

— Лютый.

— Почему Лютый?

Подруга выразительно посмотрела на неё.

— Ты что, не слышала?

— Нет.

— Ну и не надо. Лучше держись подальше.

Нина усмехнулась.

— Ты так говоришь, будто он кусается.

— Этот не кусается. Этот сразу голову отрывает.

Нина рассмеялась.

Но ещё несколько раз посмотрела в сторону Мирона.

Он заметил.

И не подошёл.

Только ближе к полуночи, когда девушки собрались уходить, оказался возле выхода.

— Как зовут?

Нина оглядела его с головы до ног.

— А тебе зачем?

— Познакомиться хочу.

— А если я не хочу?

— Тогда пойду обратно.

Она улыбнулась.

— Нина.
— Мирон.
— Я знаю.
— И что знаешь?
— Что ты опасный.
Он усмехнулся.
— А ты?
— А я вредная.
— Это мы ещё посмотрим.
Она дала ему номер телефона.
Мирон не стал задерживать её.
Вернулся за стол.
Филя заметил его улыбку.
— Ну что, Лютый, татарочку охмурил?
— Познакомился.
— Только смотри, девчонка с характером.
— Мне её характер не нужен.
Филя заржал.
— Вот же сволочь! Хоть бы при женщинах такое не говорил.
— При женщинах я другое говорю.
— Государственными делами, значит, занимаешься?
Мирон рассмеялся.
— Именно.
С Ниной они встречались несколько месяцев.
Никакой совместной жизни.

Никаких разговоров о свадьбе.

Никаких обещаний.

Мирон мог позвонить ей вечером, пригласить в ресторан, снять номер в гостинице или забрать на машине и увезти за город.

А потом пропасть на неделю.

Иногда на две.

Не потому, что специально хотел мучить её молчанием.

Просто у него были другие дела.

Куда более важные.

Рынок.

Деньги.

Филя.

Чужие группировки.

Постоянные разборки, встречи, угрозы, долги.

Мирон жил этим.

Женщины существовали где-то рядом, но никогда не занимали главного места.

Нина сначала относилась к этому спокойно.

У неё была своя жизнь.

Подруги.

Рестораны.

Поездки.

Мужское внимание, которого она никогда не испытывала недостатка.

Но постепенно ей захотелось большего.

Не обязательно семьи.

Скорее признания.

Чтобы Мирон появлялся с ней на людях.

Чтобы его друзья знали, что она не случайная девчонка.

Чтобы он хотя бы иногда считался с её желаниями.

Однажды в ресторане она сказала:

— Ты меня даже с друзьями своими толком не знакомишь.

Мирон посмотрел на неё.

— А зачем тебе?

— Потому что мы встречаемся.

— И что?

— Ну как что? Я хочу понимать, какое место занимаю в твоей жизни.

Он отложил вилку.

— Нина, ты хорошая девчонка. Мне с тобой нормально. Чего тебе ещё надо?

— Чтобы ты относился ко мне серьёзнее.

— Я тебе ничего не обещал.

— Я знаю. Но…

— Вот и всё.

Она обиженно отвернулась.

Мирон продолжил ужин.

Через десять минут ему позвонил Филя.

Он поднялся.

— Мне ехать надо.

— Сейчас?!

— Сейчас.

— Мы даже не доели!

Мирон положил деньги на стол.

— Доешь.

И ушёл.

Нина просидела ещё минут пятнадцать.

Потом позвонила подруге и предложила поехать в другой ресторан.

Домой она вернулась под утро.

И, если бы Мирон об этом узнал, ему бы это очень не понравилось.

Лариса, работавшая в «Причале», знала о Мироне больше, чем многие его приятели.

Не потому, что он откровенничал.

Просто она умела наблюдать.

Однажды, когда Мирон стоял у стойки с чашкой кофе, она спросила:

— Нина твоя куда пропала?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Дома, наверное.

Лариса покачала головой.

— Девчонка красивая. Смотри, уведут.

Мирон усмехнулся.

— Куда уведут?

— К другому мужику.

— Значит, туда ей и дорога.

— А ты ревновать не будешь?

— Нет.

Лариса посмотрела на него внимательнее.

— Не верю.

— Твои проблемы.

Она улыбнулась.

— Ты, Мирон, очень странный парень. Сам никому ничего не обещаешь, а попробуй кто-нибудь твоё тронуть.

Он поднял глаза.

— Моё?

— Ну да. Ты ведь именно так считаешь.

Мирон ничего не ответил.

Лариса вытерла стойку.

— Только женщина — не машина. Её нельзя поставить в гараж и доставать, когда захочется покататься.

Мирон допил кофе.

— Лар, ты сегодня философ.

— А ты сегодня трезвый. Редкое совпадение.

Он рассмеялся и ушёл к своим.

Вечером, когда Артур рассказал о встрече Корня с людьми Грома, Мирон был уже раздражён.

Слишком много странностей происходило одновременно.

Клык тайно встречался с Бесом.

Рыжий исчез.

Корень крутился возле чужих.

А кто-то продолжал стравливать их компанию с Громом.

Филя предлагал собрать людей и поехать разбираться силой.

Мирон пока сдерживал его.

Но терпение заканчивалось.

В тот вечер они пили в «Причале».

Один из парней купил подержанный «Мерседес» и решил обмыть покупку.

Филя рассказывал историю о поездке в соседний город, в которой фигурировали две женщины, разбитое зеркало и разъярённый муж одной из них.

— И представляешь, выхожу я утром из ванной, а этот олень уже в коридоре стоит! — хохотал Филя. — В трусах, с монтировкой!

— И чего ты? — спросил Артур.

— А я ему говорю: «Брат, ты сначала оденься. А то мне неудобно будет тебя пиздить».

За столом заржали.

Мирон тоже рассмеялся.

В этот момент зазвонил телефон.

Нина.

Он сбросил вызов.

Через минуту она позвонила снова.

Филя заметил.

— Кто там тебя достаёт?

— Нина.

— А-а, любовь! Мужики, тихо! Лютому супружеский контроль звонит!

Мирон усмехнулся.

— Пошёл ты.

— Давай я поговорю. Скажу, что ты занят государственными делами.

— Филя, отъебись.

Все снова рассмеялись.

Но Нина не успокаивалась.

Мирон вышел на улицу и перезвонил.

— Чего?

— Ты где?

— Занят.

— Я вижу, как ты занят. Мне девчонки сказали, ты опять в «Причале».

— И что?

— Ты обещал сегодня приехать.

— Не получилось.

— Мирон, я хочу с тобой поговорить.

— Говори.

— Не по телефону. Приезжай ко мне.

Он посмотрел на часы.

— Нина, уже ночь.

— И что? Ты же не спишь.

— Я пью.

— Я слышу.

Мирон раздражённо выдохнул.

— Ладно. Скоро буду.

Он отключился.

Вернулся за стол и взял куртку.

Филя удивился.

— Ты куда?

— К Нине.

— О! Государственные дела закончились, начинаются семейные!

Мирон показал ему средний палец.

Филя захохотал.

— Только смотри, Лютый, не женись по пьяни!

Нина открыла дверь почти сразу.

Она была в коротком домашнем платье, с распущенными волосами. На столе стояли две чашки, тарелка с фруктами и открытая бутылка вина.

Мирон вошёл.

— Чего случилось?

— Проходи сначала.

Он снял куртку.

— Я прошёл.

Нина посмотрела на него.

— Ты опять пьяный.

— А ты трезвая?

— Я бокал вина выпила.

— Молодец.

Она скрестила руки на груди.

— Мирон, давай нормально поговорим.

Он сел на диван.

— Давай.

— Мне надоело, что ты вспоминаешь обо мне только тогда, когда тебе удобно.

— Опять?

— Да, опять! Потому что ничего не меняется!

Мирон потёр лицо ладонями.

— Нин, я тебе с самого начала сказал, как всё будет.

— Ты вообще ничего не говорил! Ты просто делаешь, что хочешь!

— А ты нет?

Она нахмурилась.

— В смысле?

— В прямом. По ресторанам шатаешься. С подружками до утра бухаешь. Думаешь, я не знаю?

Нина усмехнулась.

— А тебе какое дело?

Мирон поднял глаза.

— Повтори.

— Я говорю, какое тебе дело? Ты сам можешь неделями пропадать, пить со своими дружками, неизвестно где ночевать. А мне, значит, нельзя в ресторан сходить?

— Сходить можно. Шляться не надо.

— Я не шляюсь!

— Мне другое рассказывают.

Нина побледнела от злости.

— Кто рассказывает? Твои бандиты? Пусть сначала за собой смотрят!

Мирон медленно поднялся.

— Ты рот-то прикрой.

— А то что?

Он посмотрел на неё.

Нина уже завелась и останавливаться не собиралась.

— Ты считаешь, что можешь появляться когда захочешь, а я должна сидеть и ждать? Нет, Мирон. Так не будет. Если мы встречаемся, у меня тоже есть права!

— Какие ещё права?

— Нормальные! Чтобы ты считался со мной! Чтобы я могла с тобой куда-то пойти, чтобы ты не делал вид, будто меня не существует!

Мирон усмехнулся.

— Нина, ты чего себе напридумывала?

— Ничего я не придумала! Ты сам ко мне пришёл! Сам познакомился! Сам начал встречаться!

— И что?

— А то, что ты не можешь обращаться со мной как с какой-то девкой на одну ночь!

Он сделал шаг к ней.

— Следи за словами.

— А ты следи за своими поступками!

Она ткнула пальцем ему в грудь.

— Я тебе не вещь, понял? Не одна из твоих шлюх, которых ты можешь…

Он ударил её.

Резко, с размаху.

Нина отлетела к дивану и упала на пол.

Несколько секунд она не могла понять, что произошло.

Потом подняла голову.

— Ты охренел?!

Мирон стоял над ней.

— Я тебя предупреждал.

— Ты меня ударил?!

Она попыталась подняться.

— Да пошёл ты! Убирайся отсюда!

Он схватил её за руку и резко поднял.

— Ты со мной так разговаривать будешь?

— Пусти!

Она вырвалась и попыталась оттолкнуть его.

Мирон ударил снова.

На этот раз сильнее.

Нина упала, задев плечом журнальный столик.

Стеклянная пепельница полетела на пол.

Он подошёл и несколько раз ударил её, уже не слушая ни криков, ни просьб остановиться.

Нина закрывала голову руками.

Пыталась отползти.

Он остановился только тогда, когда она перестала сопротивляться.

В комнате стало тихо.

Мирон тяжело дышал.

Нина лежала возле дивана, свернувшись на боку.

Из разбитой губы текла кровь.

Он посмотрел на неё.

— Вставай.

Она не пошевелилась.

— Нина.

В ответ — тишина.

Мирон наклонился.

Она резко закрыла голову руками.

Он выпрямился.

Несколько секунд стоял неподвижно.

Потом взял куртку.

— Сама довела, — бросил он.

И вышел.

Дверь закрылась.

Нина осталась на полу.

Она долго не двигалась.

Потом медленно добралась до телефона и позвонила подруге.

— Приезжай, — прошептала она.

— Нин, что случилось?

— Просто приезжай.

Наутро Мирон помнил всё.

Алкоголь не стёр ни одного удара.

Он проснулся поздно, с тяжёлой головой и неприятным привкусом во рту.

Сначала долго лежал, глядя в потолок.

Потом взял телефон.

Позвонил Нине.

Она не ответила.

Позвонил ещё раз.

Телефон оказался выключен.

Мирон швырнул аппарат на кровать.

Он не думал о том, как сильно ей больно.

Его раздражало другое.

Что она посмела так разговаривать.

Что пыталась предъявлять ему права.

Что теперь, возможно, расскажет подружкам, какой он.

И всё же где-то внутри оставалось неприятное ощущение.

Он слишком хорошо помнил её лицо после первого удара.

Не столько испуганное, сколько потрясённое.

Будто до последней секунды она не верила, что он способен сделать это с ней.

Мирон встал.

Умылся холодной водой.

Посмотрел на себя в зеркало.

И отправился по делам.

В этот день у него была встреча с двумя торговцами, которые задолжали деньги.

Он не собирался её отменять.

Нина уехала через неделю.

Подруги помогли собрать вещи.

Мать хотела идти в милицию, но Нина отказалась.

Она не желала, чтобы весь город обсуждал, как Лютый её избил.

И боялась, что заявление только разозлит его ещё сильнее.

Несколько дней она почти не выходила из дома.

Потом отправилась к двоюродной сестре в соседний город.

Мирону никто ничего не сообщил.

Он узнал об отъезде случайно.

Встретил одну из Нининых подруг возле магазина.

— Нина где?

Девушка замялась.

— Уехала.

— Куда?

— Не знаю.

Мирон посмотрел на неё.

— Не ври.

— Правда не знаю.

Он усмехнулся.

— Ладно.

И ушёл.

Но уже вечером знал, в каком городе находится Нина.

Точный адрес искать не стал.

Пока.

На рынке тем временем становилось всё жарче.

Три торговые точки перестали платить.

Одного из парней Фили задержала милиция после драки.

А потом кто-то разбил окна в машине Корня.

Мирон всё больше убеждался, что происходящее не случайно.

Кто-то последовательно расшатывал их компанию.

И делал это осторожно.

Не нападал открыто.

Не предъявлял требований.

Просто подбрасывал поводы для взаимной ненависти.

Мирон решил встретиться с Громом.

На нейтральной территории.

В небольшом кафе возле трассы.

Гром приехал с Бесом.

Мирон — с Артуром.

Филя остался в машине, хотя перед этим долго матерился и требовал ехать вместе.

Гром был старше Мирона лет на пятнадцать. Крупный, спокойный мужчина с редкими волосами и тяжёлыми веками.

Он не стал здороваться за руку.

— Чего хотел, Лютый?

Мирон сел напротив.

— Поговорить.

— Ну говори.

— Твои люди наших возле путей ушатали?

Гром усмехнулся.

— А ты своих спроси, кто кого первым тронул.

— Я спрашивал.

— И что?

— Теперь тебя спрашиваю.

Бес наклонился вперёд.

— Слышь, Лютый, ты тон-то сбавь.

Мирон даже не посмотрел на него.

— Гром, скажи своему псу, чтобы не тявкал, пока старшие разговаривают.

Бес резко поднялся.

— Ты кого псом назвал?!

Гром ударил ладонью по столу.

— Сядь!

Бес замер.

Потом медленно опустился обратно.

Гром посмотрел на Мирона.

— Ты борзый парень.

— Есть немного.

— И слишком быстро решил, что весь город твой.

Мирон усмехнулся.

— А ты слишком давно решил, что он твой.

Гром несколько секунд смотрел на него.

Потом неожиданно улыбнулся.

— Нравишься ты мне, Лютый. Только долго такие, как ты, обычно не живут.

— Посмотрим.

Мирон достал фотографию и положил на стол.

— Объясни мне вот это.

Гром взял снимок.

Посмотрел.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Мирон заметил.

— Где взял?

— Прислали.

— Кто?

— Вот и хочу узнать.

Гром повернулся к Бесу.

— Ты с этим парнем встречался?

Бес замялся.

— Вадим, там разговор был…

— Я спросил, встречался?

— Да.

— А мне какого хера не сказал?!

Бес опустил глаза.

Мирон откинулся на спинку стула.

Теперь он понял главное.

Гром действительно не знал о встрече.

Или был настолько хорошим актёром, что сумел удивить даже его.

— Выйди, — сказал Гром Бесу.

— Вадим…

— Пошёл нахер отсюда.

Бес поднялся и направился к двери.

Когда он вышел, Гром снова посмотрел на фотографию.

— Чего ты хочешь?

— Понять, кто нас стравливает.

— Думаешь, не я?

— Если бы ты хотел войны, ты бы давно начал её открыто.

Гром усмехнулся.

— Умный.

— Иногда.

— И кому это выгодно?

Мирон посмотрел в окно.

Филя стоял возле машины и курил, не сводя глаз с дверей кафе.

— Вот это я и собираюсь выяснить.

Гром медленно кивнул.

— Тогда ищи быстрее, Лютый. Потому что если ещё одного моего парня отхерачат, я уже не буду разбираться, кто там кому фотографии присылает.

— А если ещё одного моего ушатают, я тоже разговоры закончу.

Они посмотрели друг на друга.

И оба поняли, что перемирие получилось хрупким.

Слишком хрупким.

В соседнем городе Нина постепенно привыкала к новой жизни.

Она устроилась продавцом в магазин одежды, помогала сестре по дому и старалась не вспоминать Мирона.

Получалось не всегда.

Иногда ей казалось, что она слышит знакомый двигатель под окнами.

Иногда просыпалась среди ночи и долго прислушивалась к шагам на лестнице.

Синяки давно сошли.

Память осталась.

Через несколько месяцев она познакомилась с Денисом.

Он работал в автосервисе, был старше её на несколько лет и не имел никакого отношения к криминальному миру.

Нина не сразу подпустила его близко.

Но Денис оказался терпеливым.

Он не требовал немедленных ответов, не исчезал на неделю и не считал, что женщина должна благодарить его за каждую минуту внимания.

О Мироне она рассказала не сразу.

Денис выслушал молча.

— Он тебя искал? — спросил он.

— Не знаю.

— Если появится, скажешь мне?

Нина кивнула.

Денис обнял её.

Она сначала напряглась.

Потом позволила себе прижаться к нему.

О Денисе Мирон узнал от Артура.

Тот показал ему фотографию на телефоне.

— Смотри, кого знакомый встретил.

На снимке Нина стояла возле серебристой машины. Рядом с ней — незнакомый мужчина.

Она улыбалась.

Мирон взял телефон.

Увеличил изображение.

— Кто это?

— Денис какой-то. В автосервисе работает.

— Где живёт?

Артур назвал город.

Мирон вернул телефон.

— Ясно.

Артур посмотрел на него.

— Ты же с ней давно не встречаешься?

— Она ушла.

— Ну и что?

Мирон не ответил.

Вечером он выпил больше обычного.

Филя заметил.

— Чего кислый?

— Ничего.

— Из-за бабы?

Мирон посмотрел на него.

Филя ухмыльнулся.

— А-а. Значит, из-за бабы.

— Не начинай.

— Лютый, ты чего? Женщин мало?

— Филя.

— Всё, молчу.

Но через час, когда Мирон уже плохо скрывал раздражение, Филя сам вернулся к разговору.

— Хочешь, съездим? Посмотрим, кто там такой смелый.

Мирон поднял глаза.

— Зачем?

— Да просто познакомимся.

Они посмотрели друг на друга.

И оба поняли, что речь вовсе не о знакомстве.

Серебристая машина стояла во дворе пятиэтажного дома.

Было далеко за полночь.

В окнах горел свет, где-то лаяла собака.

Мирон сидел на переднем пассажирском сиденье.

За рулём был Филя.

Сзади — двое их парней.

— Точно его? — спросил Филя.

— Точно.

— Может, выйдет поговорить?

Мирон смотрел на подъезд.

В одном из окон второго этажа мелькнула женская фигура.

Он не мог разглядеть лица.

Но почему-то был уверен, что это Нина.

— Не надо разговаривать, — сказал он.

Филя повернулся к нему.

— А чего тогда приехали?

Мирон некоторое время молчал.

Потом произнёс:

— Чтобы запомнил.

Один из парней сзади открыл дверь.

Филя задержал его жестом.

— Лютый, ты уверен?

Мирон повернул голову.

В свете фонаря металлические зубы Фили казались почти белыми.

— Ты меня сейчас отговаривать будешь?

Филя вздохнул.

— Нет. Просто спрашиваю.

— Тогда делайте.

Они вышли.

Мирон остался в машине.

Он смотрел на подъезд, пока во дворе не вспыхнул огонь.

Пламя быстро охватило автомобиль. В тишине раздался

резкий треск, затем кто-то закричал из окна.

На втором этаже распахнулась форточка.

Мирон увидел Нину.

Теперь уже точно.

Она стояла у окна и смотрела вниз.

Он не знал, заметила ли она их машину.

Но вдруг ему стало совершенно ясно, что она поймёт, кто это сделал.

Филя вернулся первым.

— Поехали.

Мирон не двигался.

— Лютый.

Он отвернулся от окна.

— Езжай.

Машина тронулась.

Позади во дворе разгорался пожар.

Утром Нина стояла рядом с Денисом возле обгоревшего остова автомобиля.

Пожарные уже уехали.

Соседи обсуждали случившееся.

Кто-то говорил о хулиганах. Кто-то — о случайности.

Денис молчал.

Потом посмотрел на Нину.

— Это он?

Она не спросила, кого он имеет в виду.

— Думаю, да.

Денис долго смотрел на машину.

— За что?

Нина почувствовала, как внутри поднимается знакомый холод.

— За то, что я ушла.

Денис повернулся к ней.

— Ты понимаешь, что это уже не только твоя история?

Она кивнула.

Он взял её за руку.

— Значит, будем решать вместе.

Нина впервые за долгое время почувствовала, что рядом с ней человек, которому не нужно ничего доказывать.

Через два дня Мирону позвонил Артур.

— Есть разговор.

— Говори.

— Не по телефону.

Они встретились на окраине города.

Артур выглядел непривычно серьёзным.

— Ты слышал, что у Грома произошло?

— Нет.

— Беса отхерачили.

Мирон поднял глаза.

— Кто?

— Неизвестно. Вчера ночью. Нашли возле гаражей.

— Живой?

— Живой. Но плохой.

Мирон молчал.

Артур продолжил:

— Гром думает, что это мы.

— А ты?

— Я знаю, что не мы.

— Откуда?

Артур замялся.

— Ну… ты бы сказал.

Мирон посмотрел на него.

— С чего ты взял?

Артур попытался улыбнуться.

— Мы же свои.

Эти слова почему-то прозвучали не так, как прежде.

Мирон отвернулся.

За последние месяцы он слишком часто слышал это слово.

Свои.

Свои собирали деньги.

Свои сидели за одним столом.

Свои клялись, что не предадут.

Свои могли врать, воровать, завидовать, продавать друг друга и всё равно требовать доверия.

А чужие иногда оказывались честнее.

— Артур, — сказал Мирон.

— Что?

— Ты с Корнем давно разговаривал?

Артур замер.

Совсем ненадолго.

Но Мирон заметил.

— С каким Корнем?

Мирон медленно повернулся к нему.

— Ты мне голову не бинтуй.

Артур рассмеялся.

Слишком громко.

— Да ты чего, Лютый? Я его сто лет не видел.

Мирон смотрел на него.

Артур перестал смеяться.

— Что?

— Ничего.

— Ты мне не веришь?

— Я тебе сейчас вопрос задал. Ты на него не ответил.

Между ними повисла тишина.

Где-то за дорогой проехал грузовик.

Артур отвёл взгляд первым.

— Ладно, — сказал он. — Виделись. Неделю назад. Случайно.

— Где?

— На рынке.

— О чём говорили?

— Ни о чём особенном.

Мирон медленно кивнул.

— Понятно.

— Мирон, ты чего?

— Ничего.

Он открыл дверь машины.

— Поехали.

Артур сел рядом.

И впервые за всё время их знакомства почувствовал себя рядом с Мироном не другом.

А человеком, которого пока не решили трогать.

В ту ночь Мирон долго не мог уснуть.

Он лежал в темноте, вспоминая лица.

Клык.

Бес.

Корень.

Артур.

Нина.

Но её лицо задержалось в памяти лишь на несколько секунд.

Он вспомнил её взгляд после первого удара.

Потом мысленно отмахнулся.

Не хотел думать.

Ему было гораздо важнее понять, кто пытается стравить его людей с Громом.

Он закрыл глаза.

И вдруг почувствовал знакомый холод.

Тот самый.

Из детства.

Словно где-то совсем рядом открылась дверь в место, которого не существовало на карте.

Мирон резко сел.

Комната была пуста.

Только на тёмном стекле окна отражалась его собственная фигура.

Он долго смотрел на отражение.

Потом тихо произнёс:

— Чего надо?

Никто не ответил.

За окном шумел ветер.

Мирон лёг обратно.

Но ещё долго не закрывал глаз.

Он не боялся чужих людей.

Не боялся драк.

Не боялся крови.

И почти никогда не думал о том, что однажды придётся отвечать за сделанное.

Однако в эту ночь ему впервые за долгое время вспомнились слова, сказанные когда-то возле больничной палаты:

Будто отец за него жизнь отдал .

Тогда Мирон был ребёнком и не понимал, что это значит.

Теперь ему пришла в голову мысль, от которой стало неуютно.

Если за его жизнь действительно кто-то заплатил, то кому она теперь принадлежит?

Он выругался, натянул одеяло и заставил себя отвернуться от окна.

А за стеклом, на мгновение закрыв свет далёкого фонаря, скользнула тень.

Мирон её не увидел.

И это было к лучшему.

Глава 4. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ НА СВОБОДЕ

В ту ночь Мирону опять снилась тюрьма.

Сон был старый, знакомый до тошноты. Он видел его ещё подростком, когда ничего толком не знал ни о зонах, ни о следственных изоляторах, ни о том, сколько человеческих судеб может уместиться за одной железной дверью.

Длинный коридор.

Серые стены.

Лампы под потолком.

И двери. Много дверей, одинаковых, тяжёлых, с маленькими зарешеченными окошками.

Мирон шёл по коридору босиком.

Пол был холодным.

За спиной раздавались шаги, но сколько он ни оборачивался, никого не видел.

Потом где-то впереди загремели ключи.

— Быстрее давай!

Голос был незнакомым.

Мирон остановился.

В конце коридора стоял Филя.

В расстёгнутой рубашке, с сигаретой в зубах, такой же здоровый, наглый и довольный собой, как всегда.

— Ну чего, Лютый? — ухмыльнулся он. — Догулялись?

Мирон хотел спросить, какого хера тот здесь делает.

Но Филя вдруг отвернулся.

И Мирон увидел, что за его спиной нет тени.

Ни на стене.

Ни на полу.

Хотя свет падал прямо на него.

— Филя!

Тот не обернулся.

Железная дверь между ними захлопнулась с таким грохотом, что Мирон проснулся.

Он резко сел на кровати.

Сердце колотилось.

За окном серело утро. На полу валялась рубашка, возле кровати стояла недопитая бутылка минералки. В комнате пахло табаком и вчерашним перегаром.

Мирон провёл ладонью по лицу.

— Да что ж за херня…

Он поднялся, подошёл к окну.

На улице дворник сгребал мокрый мусор. Возле соседнего дома женщина тащила ребёнка за руку, торопясь куда-то по своим делам.

Обычное утро.

Только внутри было нехорошо.

Не страх.

Страх Мирон знал. Он появлялся перед дракой, когда противников оказывалось слишком много, или в тот короткий миг, когда человек понимал, что сейчас в него могут выстрелить.

Это было другое.

Будто где-то впереди уже случилось несчастье, а он пока ещё жил в том времени, когда о нём не сообщили.

Телефон завибрировал на столе.

Филя.

Мирон посмотрел на экран и неожиданно усмехнулся.

— Чего тебе?

— Лютый! — прогремел знакомый голос. — Ты живой?

— Пока да.

— А я, брат, вчера чуть не помер!

Мирон замер.

— Чего?

— Да кишки, сука, так скрутило, думал, наружу вылезут! Потом отпустило. Ты где?

— Дома.

— Давай в «Причал». Там разговор есть. И водочки возьмём, поправим здоровье.

— Тебе лечиться надо, Филя.

— О-о! Началось! Ты ещё скажи, чтобы я зарядку по утрам делал.

— Ты вчера сколько выпил?

— А кто считал? Я, что ли, бухгалтер?

Мирон покачал головой.

— Скоро буду.

— Вот и молодец. И не еби мне мозг своими больницами!

Связь оборвалась.

Мирон ещё несколько секунд держал телефон возле уха.

Потом медленно опустил руку.

Последние недели город словно сошёл с ума.

Началось всё с фотографии.

С того самого конверта, который неизвестный человек принёс в «Причал».

На снимке Клык стоял рядом с Бесом, человеком Грома.

Казалось бы, двое мужиков встретились возле машины. В городе, где все так или иначе знали друг друга, подобное случалось постоянно.

Но фотография появилась именно тогда, когда отношения между группировками были натянуты до предела.

И кто-то очень хорошо понимал, что делает.

Сначала Филя заподозрил Клыка.

Потом выяснилось, что о встрече знал Рыжий.

Рыжий исчез.

Его искали по гаражам, квартирам знакомых, притонам и дачам. Филя орал, что найдёт эту гниду хоть под землёй.

Нашли через четыре дня.

В заброшенном доме на окраине.

Рыжий был избит так, что едва держался на ногах. Один глаз заплыл, губы распухли, на рёбрах темнели синяки.

Он утверждал, что его схватили неизвестные.

— Сзади подошли, мешок на башку натянули, — рассказывал он, сидя перед Мироном. — Очнулся уже там. Спрашивали про Филю, про тебя. Кто деньги собирает, кто с кем ездит.

— Кто спрашивал? — уточнил Мирон.

— Не видел я их!

— Голоса?

— Двое было. Может, трое.

— Ты определись.

Рыжий сглотнул.

— Я не знаю, Лютый. Меня там так отделали…

Филя стоял у окна и нервно курил.

— А чего тебя не завалили? — спросил он.

Рыжий поднял голову.

— Чего?

— Ну ты же всё им рассказал, получается. Нахера тебя живым оставлять?

— Я ничего не рассказывал!

— Да ты мне тут не заливай!

Филя шагнул к нему.

Мирон остановил его.

— Сядь, Филь.

— Да я ему сейчас память освежу!

— Ты уже освежал. Толку?

Филя выругался и отвернулся.

Мирон присел перед Рыжим.

— Слушай внимательно. Я сейчас не спрашиваю, крыса ты или нет. Я спрашиваю, что произошло. Если хочешь отсюда выйти на своих ногах, рассказывай всё, даже если тебе кажется, что это мелочь.

Рыжий начал заново.

И чем дольше говорил, тем меньше Мирону нравился его рассказ.

Слишком много подробностей парень помнил о том, что происходило до похищения.

И слишком мало — о том, что случилось после.

Мирон не стал его разоблачать.

Он вообще не был уверен, что Рыжий врёт.

Но почувствовал: тот недоговаривает.

— Иди домой, — сказал он наконец.

Филя повернулся.

— Чего?!

— Пусть идёт.

— Мирон, ты совсем охренел? Мы его четыре дня ищем!

— Вот и нашли.

— А если он нас продал?!

Мирон поднялся.

— Тогда он уже знает, что мы об этом думаем.

Рыжий ушёл.

Через два дня его не стало.

Говорили разное.

Одни утверждали, что он покончил с собой, не выдержав подозрений и побоев. Другие шептались, что ему помогли.

Мирон не видел тела.

И не знал правды.

Но на похороны Рыжего не пошёл.

Филя тоже.

После этого подозрения разрастались, как пожар.

Клык перестал появляться в «Причале». Формально его никто не выгонял, но за одним столом с ним больше не садились.

Парня по кличке Штырь обвинили в том, что он передавал чужим сведения о торговых точках. Его несколько часов допрашивали свои же, пока он не начал соглашаться со всем, что ему говорили.

Потом выяснилось, что половину обвинений придумал человек, который сам задолжал Штырю деньги.

Извиняться никто не стал.

Штырь уехал из города.

Ещё двоих избили возле гаражей.

Один попал в больницу с тяжёлыми травмами. Другой, оправившись, перебрался к родственникам и больше не возвращался.

Молодые парни, которые ещё недавно называли друг друга братьями, теперь при встрече проверяли, нет ли за спиной

чужой машины.

На рынке начались новые стычки.

Торговцы, не желавшие платить сразу двум компаниям, закрывали палатки. Некоторые шли в милицию. Другие пытались договориться с Громом.

И почти каждый новый слух сопровождался какой-нибудь бумажкой, анонимным звонком или фотографией.

Один раз Филе подбросили записку с именами трёх человек.

Другой раз Гром получил сведения, будто его Беса собираются убрать.

Беса вскоре действительно нашли избитым возле гаражей.

Он выжил.

Но после этого разговаривать с людьми Мирона Гром уже не хотел.

В городе появилась ещё одна смерть.

Молодого парня из окружения Грома нашли после ночной драки. Кто его убил, толком не установили. Обе стороны обвиняли друг друга.

Именно тогда Мирон впервые сказал Филе:

— Нас кто-то по кругу гоняет.

Они сидели в пустом «Причале» после закрытия.

Филя крутил в пальцах рюмку.

— Гром, кто ещё?

— Не Гром.

— С чего ты взял?

— С того, что у него такая же херня творится. Его люди друг друга подозревают. У него Беса чуть не угробили. Ему самому угрозы шлют.

— Значит, третьи.

— Возможно.

Филя нахмурился.

— Корень?

— Не знаю.

— А кто тогда?

Мирон помолчал.

— Тот, кому выгодно, чтобы мы друг друга перерезали.

Филя налил водки.

— Ну так найдём.

— Сначала поймём, кого искать.

— Лютый, ты со своими загадками скоро мне мозг вынесешь. Я человек простой. Мне покажи, кому вмазать, — я вмажу.

Мирон усмехнулся.

— Вот на это и рассчитывают.

Филя поднял рюмку.

— Тогда за тех, кто ещё не сдох.

Мирон не поддержал тост.

Он смотрел на пустой стол у окна.

Там несколько дней назад сидел Рыжий.

Теперь стул стоял перевёрнутым.

Почему-то Мирону показалось, что в баре стало холоднее.

Они не знали, что к этому времени уголовные дела уже давно перестали быть отдельными папками.

Их собирали вместе.

Сопоставляли даты.

Сверяли показания.

Искали людей, которые ещё вчера боялись произнести вслух фамилии тех, кто приезжал за деньгами.

Оперативники уголовного розыска работали не один месяц.

Они знали о торговых точках, о поборах, о драках, о людях, исчезавших после разговоров в гаражах.

Знали и о Филе.

И о Мироне.

В маленьком городе невозможно годами держать всех в страхе и при этом оставаться невидимым.

Потерпевших было много.

Кто-то лишился товара.

Кому-то выбили зубы.

Кто-то после очередного визита бандитов продал магазин и уехал.

Некоторые долго отказывались давать показания. Одни боялись мести, другие не верили, что группировку действительно смогут остановить.

Но постепенно люди заговорили.

Особенно после того, как внутри самой компании начались расправы.

Один из оперативников, просматривая материалы, задержал взгляд на фотографии Клыка и Беса.

Точно такой же снимок когда-то лежал в конверте, доставленном Мирону.

— Сработало, — негромко сказал кто-то за его спиной.

Мужчина закрыл папку.

— Рано радуешься.

— Они уже друг друга грызут.

— А нам нужны не драки между ними. Нам нужны доказательства.

Он убрал фотографию под другие бумаги.

Разговор закончился.

Филя пил всё больше.

Не то чтобы раньше он знал меру.

Но теперь мог начать с утра, а закончить следующим утром, так и не вспомнив, где прошёл день.

Здоровье у него давно было неважное.

Иногда после еды его скручивало так, что он сидел согнувшись, стиснув зубы. Иногда просыпался с таким похмельем, что не мог сразу подняться.

Но стоило кому-нибудь заговорить о врачах, он начинал материться.

— Да пошли они нахер! — говорил Филя. — Меня ещё хрен знает сколько лет земля носить будет!

В последние дни они с Мироном пили почти без перерыва.

То в «Причале».

То у знакомых.

То в гараже, где кто-нибудь доставал бутылку и обязательно находился повод её открыть.

Женщины появлялись и исчезали.

Кто-то танцевал под громкую музыку, кто-то ссорился, кто-то смеялся над Филиными шутками.

Филя пользовался женским вниманием и был этим чрезвычайно доволен.

— Вот смотри, Лютый, — говорил он, обнимая очередную красавицу за талию. — Ты молодой, красивый. А я старый, страшный. Но женщины всё равно меня любят. Знаешь почему?

— Деньги показываешь?

— Нет, сволочь! Харизма!

— А-а. Я думал, зубы.

Филя заходился хохотом.

Металлические коронки блестели во весь рот.

Он хлопал Мирона по плечу, требовал ещё водки и рассказывал очередную историю, в которой непременно оказывался победителем.

Но стоило Мирону отойти, Филя иногда надолго замолкал.

Сидел, тяжело дыша, и смотрел в одну точку.

Однажды Мирон застал его таким возле заднего выхода из бара.

— Филь, ты чего?

Тот вздрогнул.

— А? Да ничего.

— Плохо?

— Нормально.

— На тебе лица нет.

— А у тебя, блядь, красавец писаный?

Мирон усмехнулся.

Филя попытался подняться со ступеньки и вдруг пошатнулся.

Мирон подхватил его под локоть.

— Ты чего?

— Да голова закружилась.

— В больницу поехали.

— Отстань.

— Филя.

— Лютый, не начинай. Мне просто проспаться надо.

Он выдернул руку.

Потом вдруг посмотрел на Мирона совсем серьёзно.

— Слушай, брат. Если со мной чего случится, ты там смотри…

— Чего смотреть?

— Да ничего. Забей.

— Филя, ты совсем допился?

Тот расхохотался.

— Вот именно! Допился! Давай по последней?

— Ты только что сказал, что тебе плохо.

— Так надо поправить здоровье!

Мирон покачал головой.

Они вернулись в бар.

Позже он много раз вспоминал этот разговор.

Но тогда не придал ему значения.

На следующее утро Филю нашли мёртвым.

Во дворе его собственного дома.

Не особняка за высоким забором, не роскошного коттеджа, а обычного дома на тихой улице, где соседи знали друг друга по именам и по утрам выносили мусор в одних и тех же тапочках.

Он лежал возле крыльца.

Как будто вышел подышать воздухом, сделал несколько шагов и упал.

Никакой драки рядом не было.

Никаких следов борьбы.

Только холодная земля, мокрые доски и неподвижный человек, который ещё вчера орал на весь «Причал».

Мирон в это время разговаривал с торговцем.

Телефон зазвонил посреди фразы.

— Да?

— Лютый…

Голос был незнакомо тихим.

— Чего?

— Филю нашли.

— Где?
— Дома. Во дворе.
— И?
Молчание.
— Мирон, он умер.
Мирон не сразу понял.
— Чего?
— Мёртвый он. С утра нашли.
— Ты бухой, что ли?
— Нет.
— Кто нашёл?
— Соседи. Уже менты приехали.
Мирон несколько секунд молчал.
Торговец напротив него переминался с ноги на ногу.
— Лютый?
Мирон убрал телефон от уха.
Посмотрел на человека перед собой.
— Всё. Иди.
— Но мы же…
— Я сказал, иди.
Торговец исчез почти мгновенно.
Мирон снова поднёс телефон.
— Адрес скажи.
— Ты же знаешь, где он живёт.
— Адрес, блядь, скажи!
Ему назвали улицу.

Он сел в машину.

И только когда повернул ключ зажигания, заметил, что руки слегка дрожат.

Во дворе уже стояли люди.

Соседи.

Несколько знакомых.

Двое сотрудников милиции.

Мирон прошёл через калитку, не обращая внимания на вопросы.

Филю уже накрыли.

Из-под ткани виднелась знакомая обувь.

Мирон остановился.

Ещё вчера эти ботинки стояли под столом в «Причале».

Филя размахивал руками, матерился, смеялся и требовал включить музыку погромче.

Теперь лежал неподвижно.

Мирон присел рядом.

Приподнял край ткани.

Лицо Фили было чужим.

Не страшным.

Не злым.

Просто неподвижным.

Рот слегка приоткрыт.

Металлические зубы едва видны.

Мирон смотрел на них и никак не мог соединить этого человека с тем, которого знал.

— Филь…

Слово прозвучало почти неслышно.

Он коснулся его плеча.

Холодного.

И вдруг вспомнил сон.

Коридор.

Железная дверь.

Филя, стоящий под лампой без тени.

Мирон резко опустил ткань.

— Когда нашли? — спросил он, не оборачиваясь.

Ему ответили.

Он задал ещё несколько вопросов.

Кто видел последним.

Кто приходил ночью.

Жаловался ли на что-нибудь.

Ответы были обрывочными.

Никто ничего толком не знал.

Один сосед слышал, как ночью хлопнула калитка.

Другой утверждал, что Филя ещё вечером выглядел плохо.

Кто-то вспомнил его жалобы на здоровье.

Но всё это были лишь разговоры.

Причину смерти сразу установить не удалось.

И даже позднее ясного ответа у Мирона не появилось.

Он поднялся.

Один из сотрудников милиции подошёл к нему.

— Вы кем приходитесь?
Мирон посмотрел на него.
— Своим.
— Фамилия?
Мирон назвал.
Милиционер на мгновение задержал взгляд на его лице.
Потом что-то записал.
И Мирон впервые за утро почувствовал знакомый холод.
Не от смерти Фили.
От этого короткого взгляда.
Слишком внимательного.
Слишком узнающего.
Он понял, что его фамилия человеку известна.
И, скорее всего, не понаслышке.
На похороны Фили пришло много людей.
Гораздо больше, чем Мирон ожидал.
Были те, кто знал его с детства.
Были приятели по пьянкам.
Были женщины, с которыми он когда-то встречался.
Были мужчины, которым он помогал.
И те, кто при жизни старался не попадаться ему на глаза.
Теперь все стояли рядом.
Разговаривали вполголоса.
Вспоминали истории.
Кто-то плакал.
Кто-то уже был пьян.

Кто-то осторожно спрашивал, что теперь будет с делами.

Мирон услышал этот вопрос возле ворот.

— А кто вместо Фили-то теперь?

Он медленно повернул голову.

Двое знакомых мужчин сразу замолчали.

Мирон ничего не сказал.

Просто посмотрел.

И они отвели глаза.

Ему был двадцать один год.

Ещё совсем недавно он слушал Филю, учился у него, спорил с ним, иногда останавливал, когда тот терял голову.

Теперь Фили не стало.

И все почему-то смотрели на Мирона так, будто он обязан знать, что делать дальше.

А он не знал.

Впервые за много лет — действительно не знал.

Возле гроба плакала женщина.

Мирон не помнил её имени.

Кажется, Филя когда-то с ней встречался.

Она говорила, что он обещал приехать, что ещё на прошлой неделе звонил, что они собирались куда-то поехать.

Мирон слушал и думал о том, сколько всего Филя обещал разным людям.

И сколько теперь уже никогда не выполнит.

Когда гроб начали опускать, кто-то громко зарыдал.

Филя уходил в землю.

Без своих шуток.

Без водки.

Без ругани.

Без металлической улыбки.

Мирон стоял неподвижно.

В какой-то момент ему показалось, что кто-то положил ладонь ему на плечо.

Тяжёлую.

Знакомую.

Как делал Филя, когда хотел привлечь внимание.

Мирон резко обернулся.

За спиной никого не было.

Люди стояли в нескольких шагах.

Он медленно повернулся обратно.

И впервые за всё время похорон почувствовал не только горе.

Ещё и предупреждение.

Будто вместе с Филей в землю уходило что-то, что до сих пор удерживало его самого на свободе.

После похорон «Причал» изменился.

Столы остались прежними.

Бармены наливали те же напитки.

Музыка играла так же громко.

Но за большим столом больше не было Фили.

Никто не хлопал Мирона по плечу.

Никто не орал, что сейчас всех порешает.

Никто не сверкал металлическими зубами, рассказывая непристойные истории.

Люди приходили и уходили.

Кто-то предлагал Мирону взять дела на себя.

Кто-то обещал поддержку.

Кто-то, наоборот, перестал отвечать на звонки.

Артур держался рядом.

— Надо собраться, — говорил он. — Сейчас все на нас смотрят. Если начнём метаться, нас сожрут.

Мирон слушал.

Он не был уверен, что Артур неправ.

Но и доверять ему так, как раньше, уже не получалось.

После истории с фотографиями слишком многое изменилось.

— Ты Корня видел? — спросил Мирон.

— Вчера.

— Чего говорит?

— Ничего хорошего. Думает, Гром сейчас полезет.

— Пусть думает.

Артур помолчал.

— Лютый, надо решать.

— Решим.

— Когда?

Мирон посмотрел на него.

— Когда я скажу.

Артур замолчал.

В этот момент у Мирона опять появилось странное ощущение.

Словно разговор был не о том, кто теперь станет главным.

Словно всё уже решено.

И они лишь доигрывают последние минуты спектакля, не зная, что зрители давно встали со своих мест.

Операцию назначили на утро.

К этому времени материалы по группировке были собраны в одно большое дело.

Оперативники работали с потерпевшими, свидетелями, бывшими участниками и людьми, которые соглашались говорить только при условии, что их имена не станут известны раньше времени.

Проверяли эпизоды вымогательств.

Поднимали старые заявления.

Сопоставляли показания.

Разбирали драки, нападения, угрозы.

И чем больше становилось материалов, тем яснее вырисовывалась структура группировки.

Во главе стоял Филя.

Мирон был одним из наиболее активных и опасных участников.

Смерть организатора не уничтожила доказательства.

И не остановила подготовленную операцию.

Наоборот, откладывать задержания больше не собирались.

В городе было несколько адресов.

Несколько машин.

Несколько групп захвата.

И один из главных пунктов — бар «Причал».

Мирон приехал туда ближе к полудню.

Накануне он опять пил.

Не до беспамятства, но достаточно, чтобы утром болела голова и раздражал яркий свет.

Он выпил кофе.

Потом ещё один.

Кто-то предложил водки.

Мирон отказался.

— Ты чего, Лютый, завязал? — усмехнулся один из парней.

— С утра рожу твою увидел. Желание пропало.

За столом засмеялись.

Но смех вышел коротким.

Без Фили даже шутки звучали иначе.

Артур сидел возле окна и разговаривал по телефону.

Клык появился ненадолго, поздоровался и остался стоять у стойки.

Мирон заметил, что тот всё ещё чувствует себя чужим.

Впрочем, теперь многие чувствовали себя так.

За последние недели слишком много людей успели назвать друг друга крысами.

Мирон посмотрел на часы.

Потом на дверь.

Почему-то ему не понравилась тишина снаружи.

Обычно возле «Причала» постоянно хлопали автомобильные дверцы, кто-нибудь сигналил, переговаривались люди.

Сейчас было тихо.

Он поднялся.

— Лютый, ты куда? — спросил Артур.

— Выйду.

Мирон сделал несколько шагов.

И остановился.

Холод.

Тот самый.

Будто кто-то провёл ледяными пальцами по затылку.

Он медленно повернул голову.

Посмотрел на окна.

На входную дверь.

На людей за столом.

И вдруг понял, что уже видел это.

Не помещение.

Не лица.

Само ощущение.

Словно следующий звук был ему известен заранее.

— Мужики… — начал он.

Договорить не успел.

Входная дверь распахнулась с грохотом.

— МИЛИЦИЯ! ВСЕМ НА ПОЛ! РУКИ НА ВИДУ!

В помещение ворвались бойцы в бронежилетах и масках.

Почти одновременно со стороны служебного входа послышался треск выбиваемой двери.

— ЛЕЖАТЬ, СУКИ!

Первого парня, который вскочил из-за стола, ударили резиновой дубинкой по плечу. Он вскрикнул, попытался закрыться руками и получил ещё один удар, уже по спине.

Его повалили лицом вниз.

Стол опрокинулся.

Посыпались стаканы.

Кто-то закричал:

— Я ничего не делал!

— ЗАТКНИСЬ! РУКИ ЗА ГОЛОВУ!

Артур поднял руки.

Клык попытался отойти к стойке, но его перехватили двое бойцов. Один врезал дубинкой по ногам, второй впечатал в пол и заломил руку.

Мирон стоял возле своего стола.

Всего секунду.

Он увидел, как один из бойцов направился прямо к нему.

— ЛЮТЫЙ! НА ПОЛ!

Мирон не успел даже ответить.

Удар дубинкой пришёлся по бедру.

Нога подломилась.

Он резко развернулся, пытаясь удержаться на ногах, но

второй удар обрушился на плечо.

— СУКА, ЛЕЖАТЬ!

Мирон инстинктивно попытался отбить чужую руку.

Этого хватило.

На него навалились сразу трое.

Кто-то ударил коленом в спину.

Другой с силой прижал голову к полу.

Щека ударилась о плитку.

Во рту появился вкус крови.

— НЕ ДЁРГАЙСЯ, УРОД!

Мирон попытался вдохнуть.

Сверху давили так, что грудь почти не двигалась.

Руку вывернули за спину.

Щёлкнули наручники.

Но удары не прекратились сразу.

Кто-то ещё раз врезал дубинкой по ногам.

Мирон дёрнулся от боли.

— Да лежу я, блядь!

— РОТ ЗАКРОЙ!

Его прижали сильнее.

Вокруг продолжали кричать.

Кто-то стонал.

Кто-то матерился.

Слышался грохот переворачиваемой мебели.

Мирон повернул лицо настолько, насколько позволяла чужая рука на затылке.

И увидел ножку стола.

Того самого, за которым обычно сидел Филя.

Под столом валялась пустая бутылка.

Вчера они ещё могли бы посмеяться над всем этим.

Сегодня смеяться было некому.

— ФАМИЛИЯ! — рявкнули над ним.

Мирон назвал.

— ГОД РОЖДЕНИЯ!

Ответил.

— ПОНЯЛ, ЗА ЧТО ВЗЯЛИ?

Мирон сплюнул кровь на плитку.

— А ты объясни.

Его резко дёрнули за наручники.

Боль прострелила плечи.

— Умный, да?!

Он не ответил.

Один из бойцов наклонился к самому уху.

— Всё, Лютый. Кончилась твоя вольница.

Мирон поднял глаза.

На секунду ему показалось, что он слышит не чужой голос.

А тот самый, из сна.

«Догулялись ? »

Его подняли.

Резко.

Не церемонясь.

Повели к выходу.

У дверей он увидел ещё одну группу вооружённых людей.

На улице стояли служебные машины.

Зеваки уже собирались на противоположной стороне дороги.

Кто-то снимал происходящее на телефон.

Мирон мельком посмотрел на них.

Потом опустил голову.

Его втолкнули в машину.

Дверь захлопнулась.

В тот день задержания прошли сразу по нескольким адресам.

Людей брали дома, в гаражах, возле магазинов.

Кому-то не дали даже нормально одеться.

Кого-то вывели на улицу в наручниках на глазах у соседей.

Не все задержания проходили спокойно.

В одном доме бойцы ОМОНа выбили дверь, повалили хозяина на пол и несколько раз ударили, хотя тот уже перестал сопротивляться.

В другом задержанный попытался вырваться и получил тяжёлые травмы.

Крики, ругань, плач родственников, перевёрнутая мебель — всё смешалось в один страшный день.

Обыски продолжались часами.

Изымали документы, телефоны, деньги, вещи, которые могли иметь отношение к уголовным делам.

Маленький город загудел.

К вечеру о разгроме группировки говорили в магазинах, на остановках, во дворах.

Одни не скрывали радости.

Другие боялись, что оставшиеся на свободе начнут мстить.

Третьи не верили, что всё действительно закончилось.

Позже о задержаниях рассказывали в средствах массовой информации.

Появлялись новые сообщения, подробности, перечни преступлений.

Фамилии, которые раньше произносили вполголоса, теперь звучали открыто.

Но Мирон ничего этого не видел.

Он сидел в подвале отдела милиции.

Сначала были вопросы.

Много вопросов.

Где находился в определённые дни.

Кого знает.

Кто собирал деньги.

Кто отдавал распоряжения.

Кто участвовал в нападениях.

Какие отношения связывали его с Филей.

Мирон отвечал не на всё.

Иногда молчал.

Иногда усмехался.

Иногда требовал объяснить, на каком основании его задержали.

Его выводили.

Возвращали.

Снова спрашивали.

В какой-то момент он перестал понимать, сколько прошло времени.

Потом его оставили одного.

Помещение было небольшим.

Холодным.

С тяжёлой дверью.

Мирон сел.

Наручники уже сняли, но запястья болели.

Плечо ныло после ударов.

На бедре наливался тяжёлый синяк.

Разбитая губа распухла.

Он посмотрел на свои руки.

Молодые.

С разбитыми костяшками.

Руки, которыми он ещё недавно мог схватить человека за ворот, ударить, заставить отступить.

Здесь они ничего не решали.

Он прислонился затылком к стене.

Филя мёртв.

Рыжий мёртв.

Остальные либо задержаны, либо неизвестно где.

Артур…

Мирон остановился на этой мысли.

Он не знал, где сейчас Артур.

И не знал, что тот успел рассказать.

Он вообще слишком многого не знал.

Впервые за долгие годы это ощущалось не как временная неприятность.

А как новая жизнь.

За дверью загремели ключи.

Мирон поднял голову.

Звук был знакомым.

До невозможности знакомым.

Он слышал его во сне.

Не раз.

Не два.

Много лет.

Железо.

Шаги.

Голоса за стеной.

И ожидание, от которого невозможно уйти.

Мирон медленно выдохнул.

— Ну вот, — сказал он самому себе. — Приплыли.

Дверь открылась.

Он ожидал очередного допроса.

Но сотрудник поставил возле него пакет.

— Передали тебе.

Мирон посмотрел на вещи.

Тёплая кофта.

Носки.

Еда.

Сигареты.

Несколько самых необходимых мелочей.

— От кого?

— Глеб передал.

Мирон поднял глаза.

Глеб был знакомым из криминального круга. Не самым влиятельным человеком в городе, но и не случайным парнем. У него имелись свои связи, свои интересы и люди, которые с ним считались.

Мирон знал его.

И понимал, что такая передача не означает ни дружбы до гроба, ни обещания помощи.

Просто весть о задержании уже разошлась.

Глеб узнал, где он находится, и передал необходимое.

— Ясно, — сказал Мирон.

Сотрудник ничего не ответил.

Дверь закрылась.

Мирон некоторое время смотрел на пакет.

Потом достал тёплую кофту.

Провёл пальцами по ткани.

В подвале действительно было холодно.

Он надел её, сел обратно и закрыл глаза.

Перед ним вдруг возник Филя.

Живой.

Пьяный.

С широкой металлической улыбкой.

«Лютый , да ты чего загрустил ? Наливай, брат ! »

Мирон открыл глаза.

В комнате никого не было.

Он опустил голову.

И впервые за этот день позволил себе подумать о том, чего не хотел признавать.

Филя больше не придёт.

Не вытащит.

Не позвонит.

Не скажет, что всё порешает.

Теперь Мирону придётся разбираться самому.

За дверью снова загремели ключи.

Он прислушался.

И неожиданно почувствовал, что холод, сопровождавший его последние недели, исчез.

Словно кто-то, долго шедший за ним по пятам, наконец остановился.

И остался ждать.

Мирон ещё не знал, что впереди тринадцать лет.

Не знал, сколько раз будет смотреть на такие же железные двери.

Сколько раз окажется один против людей, которым дана

власть над его телом.

Сколько раз подойдёт к смерти так близко, что перестанет её бояться.

И уж тем более не знал, что однажды в темноте увидит зверя, который станет частью его самого.

Пока он был просто двадцатиоднолетним парнем.

Уставшим.

Не до конца протрезвевшим.

С разбитой губой и чужой кофтой на плечах.

Парнем, которого весь город называл Лютым.

А за стеной кто-то повернул ключ.

И началась его настоящая тюрьма .

ГЛАВА 5. ПО ТУ СТОРОНУ ДВЕРИ

Первую ночь Мирон почти не спал.

Не потому, что боялся.

Страх он знал с детства. Тот приходил быстро, обжигал изнутри, заставлял сердце колотиться и руки действовать раньше головы. Так бывало перед драками, когда противников оказывалось больше, чем рассчитывали, или когда человек напротив вдруг лез под куртку, а ты ещё не знал, что он оттуда достанет.

Сейчас всё было иначе.

Страха не было.

Была железная дверь.

И понимание, что открыть её самостоятельно он больше

не сможет.

Мирон лежал на узкой лавке, подложив под голову кофту из передачи Глеба. Плечо после задержания ныло так, что он не мог повернуться на левый бок. На бедре наливался тяжёлый синяк, губа распухла, а во рту оставался противный привкус крови.

За стеной кто-то кашлял.

Долго, надрывно, будто пытался вывернуть лёгкие наружу.

Потом попросил воды.

Ему никто не ответил.

Мирон смотрел в потолок.

Там расползалось жёлтое пятно от старой протечки. По краям оно напоминало карту неизвестной страны.

Он пытался вспомнить, что делал ровно сутки назад.

Кажется, пил кофе в «Причале».

Артур сидел возле окна.

Клык стоял у стойки.

Кто-то рассказывал очередную глупость.

Потом распахнулись двери.

И мир кончился.

Не постепенно, не после долгих размышлений.

В одну секунду.

Мирон повернулся на бок, поморщился от боли и закрыл глаза.

Он не строил планов побега.

Не рассчитывал, что Филя всё уладит. Фили больше не было.

Не ждал, что утром придёт знакомый человек и скажет, будто произошла ошибка.

Ошибки не было.

За ним пришли осознанно.

Давно готовились.

И теперь вряд ли отпустят просто так.

— Ну что, Лютый, — негромко сказал он самому себе. — Приехали.

Ответом стал далёкий лязг ключей.

Мирон прислушался.

Звук показался знакомым.

Слишком знакомым.

Он слышал его раньше.

Во сне.

Ещё мальчишкой.

Первый допрос начался почти вежливо.

Следователь Мартынов оказался мужчиной лет сорока пяти, с аккуратно подстриженными усами, уставшими глазами и привычкой медленно постукивать ручкой по столу.

Перед ним лежали папки.

Много папок.

Мирон отметил это сразу.

Дело готовили давно.

— Присаживайся, — сказал Мартынов.

Мирон сел.

— Как самочувствие?

— Отличное. Курорт у вас замечательный.

Следователь не улыбнулся.

— Слышал, ты острый на язык.

— Бывает.

— А ещё слышал, что ты у нас Лютый.

— У вас не знаю.

Мартынов открыл первую папку.

— Костина помнишь?

Мирон промолчал.

— Торговец. Магазин одежды. Ему возле торговой точки челюсть сломали. Несколько зубов выбили.

— И?

— Он утверждает, что это сделал ты.

— Много чего люди утверждают.

— Значит, отрицаешь?

— Я говорю, что не знаю, о чём речь.

Мартынов перевернул страницу.

— А вот ещё потерпевший. А вот свидетель. А вот заявление о вымогательстве.

Он раскладывал бумаги медленно, словно показывал карты перед игрой.

— Ты понимаешь, что у нас здесь?

— Бумаги.

— У нас здесь организованная преступная группа. С вы-

могательствами, нападениями, побоями и целой толпой потерпевших.

Мирон молчал.

— Филя был организатором.

При упоминании Фили Мирон поднял глаза.

— Не трогай его.

— Почему?

— Потому что его нет.

— Вот именно. Его нет. А ты есть.

Мартынов откинулся на спинку стула.

— Тебе двадцать один год. Ты можешь сейчас помочь следствию, объяснить, кто отдавал распоряжения, кто собирал деньги. Твоё сотрудничество будет учтено.

— Мне нечего объяснять.

— Ты молодой парень. Подумай о будущем.

Мирон посмотрел на дверь.

— Вы меня для этого позвали?

— Для чего?

— О будущем поговорить?

Следователь перестал постукивать ручкой.

— Лютый, ты не в своём кабаке. Здесь твою наглость терпеть никто не обязан.

— Так не терпите.

Мартынов долго смотрел на него.

Потом закрыл папку.

— Хорошо. Значит, будем разговаривать по-другому.

По-другому начали разговаривать через несколько дней.

Мирона вывели из камеры после обеда.

Он решил, что снова поведут к Мартынову.

Но свернули в другой коридор.

Там пахло сыростью, дешёвым табаком и какой-то резкой химией.

За одной из дверей громко работал телевизор.

Конвоир остановился.

Постучал.

— Привёл.

Изнутри ответили:

— Заводи.

В кабинете находились двое мужчин.

Один сидел за столом.

Другой стоял у окна.

Ни папок, ни протокола перед ними не было.

— Ну здравствуй, Лютый, — сказал тот, что сидел. — Наслышаны.

Мирон посмотрел на него.

— Рад за вас.

Мужчина усмехнулся.

— Шутник.

Он достал сигарету.

Закурил.

— Давай без цирка. Кто собирал деньги с торговцев?

Мирон молчал.

— Кто ездил к Костину?

Молчание.

— Кто Рыжего убрал?

Мирон поднял голову.

— Откуда мне знать?

— А кому знать? Ты же у нас всё решал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Мужчина медленно выдохнул дым.

— Слушай, пацан. Ты, кажется, не понял, куда попал.

— Понял.

— Нет. Не понял.

Он встал.

Подошёл ближе.

— На воле ты мог из себя кого угодно строить. Здесь всё иначе. Здесь мы будем решать, когда тебе спать, когда есть и когда разговаривать.

Мирон посмотрел ему в глаза.

— Закончили?

Улыбка с лица оперативника исчезла.

— Сейчас начнём.

Дверь за спиной Мирона закрылась.

Щёлкнул замок.

Телевизор сделали громче.

Когда его вернули, в камере уже погасили основной свет.

Мирон вошёл сам.

Сделал три шага.

И остановился.

Сокамерник, сидевший у стола, поднял голову.

— Ты чего?

Мирон попытался ответить, но не смог нормально вдохнуть.

Он опёрся ладонью о стену.

Всё тело болело так, словно его долго и методично разбирали на части, а потом собрали неправильно.

Ноги держали плохо.

Плечи почти не двигались.

Под рубашкой горела кожа.

Он сделал ещё шаг к шконке.

Попытался поднять ногу.

Не получилось.

— Эй, Лютый…

Мирон стиснул зубы.

— Не трогай.

— Да ты же сейчас упадёшь.

— Сказал, не трогай.

Он ухватился за край нижней шконки.

Подтянулся.

Перед глазами потемнело.

Руки разжались.

Мирон тяжело опустился на пол.

Некоторое время сидел, прижавшись спиной к металлической раме.

Никто не смеялся.

Один из заключённых молча подвинул к нему кружку с водой.

Мирон посмотрел на неё.

— Моя в вещах.

Мужчина ничего не сказал.

Достал его кружку.

Налил воды.

Поставил рядом.

Мирон потянулся.

Пальцы дрожали.

Он сделал несколько маленьких глотков.

Вода показалась ледяной.

— Медика звать? — спросили сверху.

Мирон хотел отказаться.

Потом понял, что не сможет даже самостоятельно снять рубашку.

— Зови.

Пока ждали сотрудника, он сидел на полу.

Ткань рубашки местами прилипла к повреждённой коже.

Каждое движение отдавалось болью в рёбрах.

Лицо распухло.

На теле почти не осталось места, к которому можно было бы прикоснуться без боли.

И самое страшное заключалось не в этом.

Мирон понимал: завтра его могут снова вызвать.

И снова потребовать тех же показаний.

Медицинский работник осмотрел его бегло.

Спросил, где болит.

Мирон усмехнулся.

— Проще спросить, где не болит.

Тот нахмурился.

— Дышать можешь?

— Как видишь.

— Голова кружится?

— Да.

Ему измерили давление, проверили состояние, записали жалобы.

О причине травм разговор получился коротким.

— Откуда повреждения?

Мирон посмотрел на сотрудника, стоявшего возле двери.

Потом на медика.

— Сами не знаете?

Ответа не последовало.

Позднее он ещё не раз поймёт, что между вопросом, записанным в медицинской бумаге, и тем, что произошло на самом деле, может лежать целая пропасть.

Ночью поднялась температура.

Мирона то знобило, то бросало в жар.

Он лежал на нижней шконке, которую ему уступили, и пытался дышать неглубоко.

В какой-то момент звуки камеры начали отдаляться.

Чей-то кашель.
Шорох одеяла.
Стук кружки о стол.
Всё это уходило куда-то далеко.
Мирону показалось, что он снова лежит в больнице.
Маленький.
Семилетний.
И не может открыть глаза.
Возле кровати кто-то сидел.
Он слышал тихий шелест.
Будто женщина перебирала сухие травы.
Потом почувствовал запах.
Не больничный.
Не тюремный.
Сырая земля.
Тёмная вода.
Листья, которые всю осень пролежали под снегом.
Мирон попытался повернуть голову.
У стены стояла женщина.
Высокая.
В длинной тёмной одежде.
Лицо скрывалось там, где должен был падать свет.
Он не мог понять, старая она или молодая.
Не мог даже сказать, действительно ли видит её.
Женщина не двигалась.
А потом прозвучал голос.

Не громче дыхания.

— Не всё , что в тебе умирает , нужно спасать.

Мирон резко открыл глаза.

Возле стены никого не было.

Сосед спал, отвернувшись к стене.

Под потолком тускло горела лампа.

Мирон приподнялся на локте.

От боли его едва не вывернуло.

Он снова лёг.

Закрыл глаза.

И ещё несколько секунд чувствовал запах мокрой земли.

Следствие продолжалось.

Мирона вызывали снова.

И снова.

Иногда оперативники ограничивались угрозами.

Иногда он возвращался с новыми травмами.

Бывали дни, когда его часами держали в ожидании, а потом отправляли обратно, даже не задав вопроса.

Бывали ночи, когда он просыпался от звука шагов и не сразу понимал, пришли за ним или за соседом.

Он перестал считать допросы.

Перестал спрашивать, когда всё закончится.

И почти перестал огрызаться.

Это изменение заметили.

Однажды Мартынов внимательно посмотрел на него и сказал:

— Поумнел, что ли?

Мирон молчал.

— Раньше на каждый вопрос десять слов выдавал. Теперь сидишь тихо.

— Вопросы те же.

— А ответы?

— Те же.

Следователь вздохнул.

— Тебя не переубедить?

— Нет.

— Даже если остальные всё подтвердят?

Мирон посмотрел на него.

— Тогда зачем я вам нужен?

Мартынов захлопнул папку.

Он решил, что парень наконец устал.

И в чём-то был прав.

Мирон действительно устал.

Только усталость не сделала его покорным.

Она изменила направление его злости.

На свободе он бросался на человека за неосторожное слово.

Теперь мог десять раз обдумать ответ.

Раньше любое унижение требовало немедленной расплаты.

Теперь он начал различать унижение и ловушку.

Он всё ещё ненавидел тех, кто причинял ему боль.

Но больше не собирался доставлять им удовольствие своей беспомощной яростью.

Никто не видел, сколько сил уходило на это молчание.

Первые месяцы Мирон думал, что Артур сидит где-то в другом изоляторе.

Во время задержания тот был в «Причале».

Его тоже уложили на пол.

Его тоже вывели.

Мирон видел это собственными глазами.

Поэтому, когда Артур перестал появляться даже в разговорах, он решил, что их просто держат отдельно.

Потом услышал другое.

— Кравцов-то гуляет, — сказал однажды человек, недавно доставленный из города.

Мирон поднял голову.

— Какой Кравцов?

— Артур. На машине вчера видел.

— Ты не путаешь?

— Да чего мне путать? Сам за рулём сидел.

Мирон долго смотрел на говорившего.

— Когда видел?

— Позавчера.

— Где?

Тот назвал улицу.

Мирон больше ничего не спросил.

Вечером он лежал на шконке и смотрел в потолок.

Артур на свободе.

Артур ездит по городу.

Артур, которого забирали вместе с ними.

Он пытался найти объяснение.

Отпустили под подписку.

Не хватило доказательств.

Оформлен по другому эпизоду.

Вариантов было много.

Но ни один не нравился.

Через несколько дней Мартынов сам положил перед ним документ.

— Ознакомься.

Мирон посмотрел на первую страницу.

Протокол допроса свидетеля.

Ниже стояло имя.

Артур Кравцов.

Мирон прочитал его дважды.

Потом поднял глаза.

— Свидетеля?

— Именно.

— Артур у вас свидетель?

— Внимательно читай.

Мирон снова опустил взгляд.

Он читал медленно.

Сначала показания касались общих вещей.

Знакомств.

Встреч.

Поездок.

Затем пошли подробности.

Кто находился в «Причале» в определённые дни.

Кому передавали деньги.

Какие разговоры велись за закрытыми дверями.

Кто приезжал к Филе.

И несколько эпизодов, о которых Артур мог знать только потому, что Мирон сам ему рассказывал.

Мирон почувствовал, как внутри поднимается что-то горячее.

Не обычная злость.

Что-то гораздо хуже.

Он дочитал страницу.

Перевернул.

Там были новые подробности.

Некоторые соответствовали действительности.

Другие выглядели так, будто Артур аккуратно убрал из истории самого себя, оставив Мирона на его месте.

Мирон положил листы на стол.

— Он где?

Мартынов посмотрел на него.

— Кто?

— Кравцов.

— Тебе зачем?

— Спросил, где он.

— На свободе.

Мирон кивнул.

Медленно.

— Понятно.

Следователь подался вперёд.

— Вот видишь. Человек решил не губить себе жизнь. Рассказал, что знает.

Мирон смотрел на бумаги.

— Он участвовал во всём этом.

— Его процессуальное положение определено материалами дела.

— Он участвовал, — повторил Мирон.

— Ты лучше о себе подумай.

Мирон поднял глаза.

— Сколько он вам заплатил?

Мартынов изменился в лице.

— Следи за словами.

— Сколько?

— Я не собираюсь выслушивать твои фантазии.

Мирон усмехнулся.

Впервые за долгое время по-настоящему страшно.

Без веселья.

— Конечно.

Он посмотрел на протокол.

— Свидетель, значит.

— У тебя есть замечания к показаниям?

— Есть.

— Какие?

Мирон наклонился к столу.

— Он предатель.

Мартынов взял ручку.

— Это к существу дела не относится.

— А я не про ваше дело.

В тот день Мирон впервые попросил вернуть его в камеру раньше.

Не потому, что хотел уйти от вопросов.

Он боялся заговорить.

Боялся произнести вслух всё, что происходило в голове.

Потому что впервые за месяцы следствия ему действительно хотелось убить человека.

Не избить.

Не наказать.

Не заставить просить прощения.

Убить.

Артура.

Человека, который сидел с ним за одним столом.

Пил с ним.

Смеялся над Филиными шутками.

Знал его привычки.

Знал, кому он доверяет.

И всё это время, возможно, уже искал способ сохранить собственную шкуру.

Мирон вспоминал последние недели на свободе.

Конверт.

Фотографию Клыка и Беса.

Исчезновение Рыжего.

Странные разговоры Артура.

Его сообщения о встречах Корня с людьми Грома.

То, как он иногда слишком быстро находил ответы.

И то, как легко исчезал из комнаты в нужный момент.

Каждое воспоминание теперь выглядело иначе.

Мирон не знал, причастен ли Артур к тем событиям.

Не знал, когда тот начал говорить со следствием.

Не знал, был ли он источником сведений ещё при жизни Фили.

Но больше не мог перестать об этом думать.

Самым мучительным оказался один вопрос.

А Филя ?

Мог ли Артур знать что-нибудь о его смерти?

Мог ли промолчать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.